

Алгебра Слова

БЕГ СЕУ

Алгебра Слова

Беглец

«Accent Graphics communications»

2017

Алгебра Слова

Беглец / Алгебра Слова — «Accent Graphics communications»,
2017

Главный герой романа еще не знает, что с ним произойдет после того, как он подберет на улице обыкновенного котенка. Жизнь перевернется с ног на голову с появлением этого существа, оказавшегося не в своем мире. Иногда ангелы спускаются к нам, но выжить в непривычных условиях не для всех оказывается посильной задачей. Они страдают сами и заставляют страдать окружающих, которые их полюбили. Прежде чем начинать отношения, убедитесь, что перед вами – человек. Прежде чем завести домашнего питомца, убедитесь, что перед вами – животное. Иначе ваша жизнь превратится в ад. Чувства и мысли начнут материализоваться и приобретать форму. Какой она станет по содержанию – не знает никто. Клубок противоречий из невероятных событий придется разматывать. Но есть вариант, и просто разрубить его, добравшись сразу до того места, с которого все и началось.

© Алгебра Слова, 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Пролог	5
Спустя несколько месяцев...	5
Глава 1	9
Глава 2	44
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алгебра Слова

Беглец

Пролог

Спустя несколько месяцев...

Город Таркабулак находился на берегу исчезающего Аральского моря. Семеныч смотрел в иллюминатор. Огромная соленая пустыня постепенно вырисовывалась из-под облаков при снижении самолета. Мертвая часть суши с застывшей на ней песчаной рябью.

В аэропорту дул сильный сухой ветер. Казалось, и он был солоноватым на вкус.

Ранним утром дорога в город пустовала и создавала впечатление также умирающего окружающего пространства: редкие деревья, обширные степные равнины с малой растительностью.

В самом городе ощущение уходящей жизни немного рассеялось. Здания, бульвары, проспекты и узкие переулки, привычная глазу зелень деревьев и газонов – небольшой городок еще казался бодрым, несмотря на то, что на окраинах длинные улочки с одноэтажными домами не могли скрывать просвета в бело-желтое унылое однообразие песков.

Такси остановилось около гостиницы. Мужчина в строгом костюме подал стройной девушке руку, помогая выбраться из машины. Провел в холл, усадил на диван и только потом вернулся за вещами.

Расплатившись и отпустив такси, Семеныч стоял и смотрел вдаль. Вновь неясная тревога овладела им. За последний год сумасшедшие и бурные события не давали Семенычу опомниться, проанализировать происходящее. Точно он находился в беспокойном океане с сильными волнами, которые боролись друг с другом, вздымались, пенились, и на недолгие мгновения утихали, чтобы снова набрать высоту и беспощадно взволновать водную поверхность.

Но сейчас пространство внезапно замерло, как засыхающее Аральское море. И лишь растерянный ветер, в отчаянии пытался разогнать пустоту в некогда живом «мире». Семеныч чувствовал это кожей, нервными окончаниями, сердцем, сознанием. Он явно ощущал образовавшуюся бездну, в которой больше никого нет. А ветер, приутихший и успокоившийся в городе, среди людей, возвращался к умирающему морю и с большей силой метался, то ли прогоняя город подальше от моря, то ли зовя его на помощь...

«Ничего не произошло, – очнулся Семеныч, дернув головой. – Все в порядке. Обычная командировка. Обычный город. Все нормально. Все будет хорошо».

Он повернул к входу в гостиницу.

Оформляя документы, Семеныч часто оглядывался на девушку, которая ждала его. Их взгляды пересекались. В глазах девушки Семеныч невольно прочитывал то же самое ощущение отражения «пустой бездны», и поспешно отворачивался, стараясь отвлечься от гнетущего чувства тревоги заполнением стандартных бланков.

В номере Семеныч сразу же прошел к окну и задернул плотные шторы, зная, что Она недолюбливает солнечный свет.

– Помочь тебе раздеться? – ласково спросил он, повесив пиджак на спинку стула.

– Разбери постель и отвернись, – вздохнула Она.

Все Ее тело было в синяках и ссадинах. Показываться Семенычу в таком состоянии Ей не хотелось. Ей и в голову не пришло, что он давно любит не Ее стройное тело, ненавидит не Ее упрямый характер, а относится к Ней, как к своей части. Души или тела, сознания или разума –

этого Семеныч еще и сам не понял: частью чего Она для него является. Он ощущал лишь то, что без Нее его жизнь станет неполноценной, как если ему отрежут руку, или он потеряет слух. Но чувствовал он это только в ссорах, да и то, неосознанно. Со временем Семеныч все чаще и чаще не думал о Ней, как, например, человек не думает о своей ноге, пока та не просигнализирует, что находится в неудобной позе или чувствует боль.

Поэтому непривычное поведение Семеныча в течение последних нескольких часов Ее настораживало. Он был трогательно нежен и предупредительно заботлив. Постоянно спрашивал о том, как Она себя чувствует. Часто заглядывал в глаза, пытаясь понять, не испытывает ли Она боли или дискомфорта.

«Жалеет, – объяснила Она сама себе и передернулась от неприязни. Вспоминать прошедшую неделю Ей было тяжело, и Она старательно изгоняла из памяти прошлое, запретив и Семенычу напоминать Ей о нем, потому что любое, даже приятное событие неминуемо, как конец одной веревочки приводил к этим ужасным дням. – Самое противное, когда ты вызываешь жалость. Из жалости и в командировку с собой взял. Если бы меня не избили, наверное, и не помирился бы».

Семеныч безропотно отвернулся и присел на краешек постели. Его широкая спина была напряжена, а плечи – чуть сгорблены:

– К врачу точно не надо? Я могу платно и анонимно сюда вызвать.

– Нет! – вскрикнула Она, тряхнув рассыпавшимися по плечам длинными каштановыми волосами. – Не надо!!! Со мной все в порядке.

– Тихо, тихо, – пробормотал Семеныч. – Не шуми. Не надо, так не надо.

Она торопливо стянула с себя джинсы и рубашку с длинными рукавами:

– Не смотри!

Поспешно нырнула под одеяло и ногой толкнула Семеныча в знак того, что ему можно повернуться:

– А ты скоро придешь?

– У меня встреча после обеда. К вечеру приду, – мягко сказал Семеныч. – Ты спи, хорошо? Или телевизор смотри. Я еще побуду здесь пару часов. С тобой. Кофе, воды? Поесть заказать что-нибудь?

– Нет, – мотнула Она головой. – В самолете ели. Не хочу ничего. Полежи со мной.

Семеныч, не раздеваясь, прилег рядом, а Она закрыла глаза и прижалась к нему. Семеныч невольно не мог оторвать глаз от Ее мраморной кожи плеч, изувеченной какими-то подонками, а в его сердце зрела ненависть ко всему живому и неживому – тому, кто мог причинить Ей боль. Казалось, будь у него сейчас автомат, он, не раздумывая, пошел бы расстреливать каждого, пока не добрался бы до тех ублюдков, которые избили Ее.

Больше всего Семеныча раздражало то, что Она ничего не рассказывала и ни в какую не хотела говорить о том, кто это сделал, и каким образом это случилось.

Дыхание Ее стало неслышным через несколько минут – перелет после страшного происшествия дался Ей нелегко. В самолете Она молчала и часто прикрывала веки, что для Нее было совсем не характерно. Семеныч не сводил с Нее напряженного взгляда. Ему постоянно казалось, что Она либо теряет сознание, либо умирает. А от машины до гостиницы Она и вовсе еле шла, опираясь на его руку, будто у Нее не хватало сил даже на обычный шаг.

Семеныч не выдержал и приподнял край легкого одеяла: синяки на руке, ссадины на ребрах, расплзшиеся гематомы по спине, желтовато-синие пятна на бедре, багровые кровоподтеки на пояснице. Он осторожно прикрыл Ее, тщательно подоткнув одеяло. Провел ладонью по волосам, дунул на Ее лоб с выступившей на нем испариной, коснулся губами Ее виска.

– Сказку, – еле слышно проговорила Она во сне. – Сказку мне расскажи...

– Сказку? – задумался Семеныч и откинулся на подушку. – Сейчас. Сейчас все расскажу. Спи и слушай. Спи и выздоравливай. Когда-нибудь потом и ты расскажешь мне все. Тогда-то

картинка и сложится. И не говори, что я умолчал о чем-то. Я все расскажу с самого начала. По порядку. Вряд ли я когда-либо еще кому-нибудь решусь это рассказать. Только тебе, и только пока ты спишь. Но ты будешь знать все.

Семеныч лукаво посмотрел на Нее. Она не пошевелилась, и веки Ее не дрогнули – сон забрал Ее. И Семеныч неспеша начал свою историю:

– А началось все прошлой осенью. Ну, может быть, летом...

* * *

«Жил-был котенок. Звали его Катенок. Именно Катенок, а не Котенок. Понятно, что слово «котенок» пишется через букву «о», потому что от слов «кот» или «кошка». Но это пишется так, а произносится именно «катенок». А звали его так, как произносится, а не так, как пишется. Поэтому и Катенок.

Был котенок маленький, хорошенький, пушистенький, шустренький и, как все кошки, конечно же, своенравный и гуляющий сам по себе...

Но и это не главное. А главное в том, что котенок оказался, как бы это лучше объяснить, очень необычным котенком. Можно сказать, что котенок был волшебным. Или не волшебным, а обладающим скрытыми и не очень скрытыми сверхъестественными способностями. Например, котенок понимал человеческую речь. Не важно, на каком языке говорил человек, котенок его понимал. И не просто понимал, а мог даже разговаривать с ним. Иногда котенок понимал даже то, о чем человек думал, но не говорил. То есть, можно сказать, что котенок мог читать мысли людей. Иногда. Он сам еще не всегда понимал, когда именно он может читать мысли, но... Он же был еще маленьким котенком. Хорошеньким, пушистеньким, шустреньким и, как все кошки, своенравным и гуляющим сам по себе...

Его все очень любили. Его и нельзя было не любить. А вот котенок любил не всех...

Да, вот еще одна деталь: это была кошка, поэтому Катенок – это она.

...А еще был «он». Человек. Мужчина. Звали его Семеныч. Простой, обычный, средне-статистический – ничем не выдающийся человек. А может, и не совсем простой, раз с ним приключилась такая история.

«Нет! Нет! – обязательно возразила бы Катенок. – Это не простой человек, не совсем простой, вернее, совсем не простой человек. Семеныч – это целый мир!»

Хотя, это совершенно естественно: у маленького существа непременно есть свой мир. Мир, состоящий из взрослого или взрослых. Этот мир всегда рядом, реальный и выдуманный, дружелюбный и воинственный. И чем меньше существо, тем тоньше разнообразные грани этого еще хрупкого мира, не обросшего жесткой коркой правил и суждений...»

* * *

Катенок не помнила, откуда она появилась, была ли у нее мать, вылизывающая ее в детстве, был ли у нее дом, да и было ли у нее, вообще, что-либо...

Но Катенок твердо знала, что рядом ее окружает огромный мир. Настолько огромный, что Катенок ощущала себя где-то в ногах этого мира, постоянно блуждая между кем-то и чем-то. Она так старалась ничему не помешать и никого не задеть, что совсем запуталась в этом «подножии».

Особого холода Катенок не помнила. Она родилась летом, и подушечки на ее лапках еще не успели почувствовать осенних заморозков. Поначалу маленький пушистый комочек не умел ни плакать, ни смеяться. А может, поводов для радости или, напротив, грусти в ее, еще недолгой, но так неудачно начавшейся жизни бездомного котенка, пока не нашлось.

Катенок присматривалась и прислушивалась к пространству с возрастающим любопытством. Попробовать на вкус страх ей еще не довелось, и, поэтому, познанию мира снизу ничто не мешало.

Пройтись по детской площадке первое время доставляло много приятных эмоций. Катенок никого не оставляла равнодушным: ее звали, гладили, ею восхищались. Чарующе и завораживающе звучали первые две буквы мира: «Кс-с... Кс...». Впрочем, умиляющиеся голоса, точно нарочно и фальшиво исковерканные, Катенку быстро наскучили.

В прохладных и темных подъездах обитали очень злые человеческие существа, которые брезгливо шипели на Катенка.

За домом, бесстыдно гадя в траву, смиренно бегали по прямоугольному участку земли четвероногие «братья» двуногих существ из подъезда. Они громко лаяли, пускали слюни и виляли хвостами. Почему они считались родственниками, Катенок догадалась довольно быстро: существа из подъезда тоже частенько гадили, где попало. Особенно они любили это делать в темное время суток или где-нибудь за углом. И ни четвероногие, ни двуногие за собой даже не закапывали, что Катенку казалось верхом наглости и неприличия.

К ночи на газонах и тротуарах расцветали гигантские железные цветы – разноцветные припаркованные автомобили. В ненастье Катенок цеплялась коготками и взбиралась на упругое колесо под крыло машины, где приятно пахло резиной, было уютно и тепло. Только смотреть было не на что: трещины асфальта, бесформенные лужи около бордюра, шагающие ноги и половина бетонных ступенек, ведущих в подъезд.

Деревья манили податливой для когтей корой. Но, после того раза, когда Катенок, еще не научившись спускаться, упала с отросшей ветки животом на железную трубу бывшей оградки бывшей клумбы; после того, когда ее дыхание остановилось на долгое ужасное мгновение – она какое-то время обходила толстые одноногие существа, деревья, стороной.

Все растения, ветки, листья, травинки и даже цветы пробовались Катенком на зубок и неминуемо познавались пылью, горькостью, а иногда и рвотой.

Мусорные баки, около которых кипела жизнь, совсем не привлекали Катенка – ни смердящим запахом, как четвероногих, ни свежеевыкрашенными боками, как двуногих. И почему баки являлись наиболее посещаемым местом абсолютно всех обитателей двора – Катенок не понимала. Первые всегда там что-то искали, а вторые – непрерывно туда что-то носили. Но смысл цепочки она уловила – одни в этом мире наполняют баки, а другие оттуда только берут.

Всех существующих в относительно замкнутом постоянстве двора, Катенок скоро выучила: замерших одноногих, крикливых и молчаливых двуногих, бегающих на лапах и шуршащих колесами четвероногих.

Катенок знала теперь всех: кто, как и во сколько ходит, в каких окнах и когда обычно зажигается и гасится свет, и каких одноногих предпочитают птицы с морщинистыми красноватыми лапками, похожими на тонкие пальчики неожиданно состарившихся младенцев.

У двора всегда имелось свое настроение: суетливо-деловитое – утром, расслабленное – днем, довольное или раздраженное – вечерами, молчаливое – в дождь...

За тремя домами, очерчивающими неухоженный, но уже привычный Катенку двор, располагались черные полосы, по которым неустанно носились сумасшедшие четвероногие с горящими от безумства глазами...

Расширять границы своего мира-двора, Катенок пока не рисковала.

Глава 1

Семеныча Катенок никогда прежде не видела.

Впервые она встретила его рано утром.

Катенок неторопливо и важно прогуливалась по пустынному двору, воображая себя единственной на свете. Этому способствовало и то, что за домами почти не гудело шоссе, птицы спали, и воздух был приятно и торжественно безмолвен. Ржавые качели на детской площадке не скрипели. Деревянные, покосившиеся лавочки раскрасила темными пятнышками роса. Осевшая почти до земли горка песка в квадратной песочнице стала за ночь ниже и плотнее. Зеленые веточки канадского клена, который обрамлял трансформаторную будку, еще немного вытянулись. А около погнутой металлической оградки Катенок обнаружила первый похулый листок. Безвкусный и сухой, но не такой горький, как зеленые.

Рассветная тишина вдруг с треском рассыпалась: с негромкой трелью домофона открылась подъездная дверь, и послышались легкие шаги по ступенькам. Пара мужских ботинок остановилась около Катенка.

Два волшебных звука:

«Кс...».

Катенок не успела поднять голову и рассмотреть незнакомого мужчину. Семеныч нагнулся, взял Катенка, и, держа ее на ладони, поднял высоко над головой.

«Смотри вверх!» – улыбнулся Семеныч, глядя на расширившиеся глаза Катенка. Она с восторгом смотрела вниз на увеличивающееся расстояние между знакомым прежде «миром» и ей самой.

«Вверх? Да мир-то еще и не начинался! Небо! Почему такое прозрачное? Почему нетвердое? И ничем не пахнет. Зачем же столько места выше, где никого нет, а внизу нельзя пройти так, чтобы тебя не задели, или ты не перешел кому-то дорогу?» – изумлялась Катенок.

Семеныч опустил ее вниз, и мир стал опять твердым асфальтом, то есть тем, что можно было ощутить лапами. Обычно пахло мокрой грязью после дождя, и прелой листвой.

Но «мир» с этого момента сильно изменился. У него появились светлые глаза, ласковые руки, широкие плечи, тонкий запах мужского одеколona, белая рубашка и темный костюм. А на правой руке – перстень с треснутым сапфиром на безымянном пальце и сбитая костяшка среднего...

Семеныч поправил на плече ремень от серой спортивной сумки и ушел.

Катенок растерянно смотрела вслед Семенычу. В руки она никому раньше не давалась, и гладить себя позволяла не всем. Чужое личное пространство Катенок уважала и требовала такого же отношения к себе. А этот мужчина не вызвал у Катенка никаких отрицательных эмоций, несмотря на свое бесцеремонное поведение.

На углу дома он обернулся.

* * *

Во дворе уже стемнело, когда Семеныч возвращался с работы. Неожиданно для себя он сделал небольшой крюк, пройдя не прямо до подъезда, а через детскую площадку, мимо сломанных качелей и низких лавочек. Он и сам не осознавал, что его ищущий взгляд блуждал по утоптанной дорожке, асфальту, газонной траве, кустам.

Но маленького пушистого комка на земле не было.

Естественно, встретиться во дворе они не договаривались. Но Катенок ждала Семеныча, а Семеныч ожидал увидеть Катенка. Хотя в этом они не признались бы даже и самим себе.

Катенок наблюдала за ним с крыши небольшого деревянного домика на детской площадке, забраться на которую для нее означало преодолеть жуткий страх перед высотой и будущим, когда с домика придется слезать, рискуя упасть. Но она залезла на облупленную крышу, когда с площадки ушли все дети. С домика лучше была видна дорога: Семеныч мог прийти либо с одной стороны дома, либо с другой. А ждать его возле подъезда – Катенок не хотела, чтобы Семеныч, во-первых, не прошел мимо и не сделал вид, будто не брал ее на руки утром, а во-вторых, не подумал о том, что она его ждет.

Его долгожданные шаги раздались совсем рядом, и Катенок, позабыв от радости о своем страхе, прыгнула Семенычу прямо под ноги, точно свалилась с неба.

– Привет! – сказал Семеныч и почему-то обрадовался. Присел, бережно провел рукой по спинке Катенка и взял ее на руки. Отпустить не смог. Ему и в голову не приходило завести себе кошку, но, когда Семеныч вновь приподнял ее на ладони и снова увидел восхищенные глазенки, то опускать на землю Катенка обратно у него тоже не возникло мысли.

Катенок вжалась в его ладонь, не выпуская коготков. Семеныч почувствовал, что она боится упасть, а также он заметил осторожный взгляд Катенка, косящийся на подъездную дверь. Семеныч почувствовал трепет напряженного пушистого комочка, который весил не больше нескольких пачек сигарет и помещался на его ладони.

Он поднялся по ступенькам, свободной рукой доставая ключи из кармана. Катенок забавно и медленно опускала уши к своей голове, и Семеныч осторожно прижал ее к себе, словно защищая ее от ее же собственного страха и от внешнего окружающего пространства.

«Ты прелесть!» – услышал Семеныч, как если бы с ним заговорили. Он услышал это явно, как мысль, и неявно, как слова. То есть, совсем наоборот. Человек неявно слышит мысли, свои мысли, но четко слышит слова и звуки. Семеныч совсем не удивился. То ли потому, что слишком вымотался за день и устал, чтобы раздумывать о том, что правильно, а что – нет, то ли потому что вечерний банкет затянулся.

– Знаешь, мужчинам так не говорят! – весело возразил Семеныч.

«Кто не говорит?» – спросила Катенок.

– Никто так не говорит. Мужчина может быть сильным, умным. Ну, не знаю, разным, но мужчину так не называют! – ответил Семеныч, приложив круглый ключ к блестящему кружочку домофона.

«А я называю. Тебя называю», – упрямо пробормотала Катенок, уткнувшись мокрым носом в его ладонь в темном подъезде.

– А почему? – опешил Семеныч.

«Потому что это правда!» – смеясь, завершила разговор Катенок и на миг зажмурилась от включенного яркого света в коридоре.

Семеныч аккуратно опустил Катенка на пол и занялся своими делами: снял обувь, поставил спортивную сумку на полку, прочитал на телефоне пришедшее сообщение, после чего прошел в комнату и положил айпад на тумбочку, присоединив к нему шнур зарядки.

Одновременно Семеныч искоса наблюдал, как осваивается в квартире Катенок: она осторожно ходила за ним по пятам, с опаской озираясь по сторонам.

* * *

– Вербер в «Империи ангелов» писал, что кошки живут одновременно в двух мирах: в нашем, материальном, и в астральном. Существует или не существует астральный мир, сказать, конечно, несколько затруднато, – раздумывал вслух Семеныч.

Он снял пиджак и закатал рукава рубашки. Катенок понеслась за ним в ванную. Семеныч мыл руки и в зеркале видел отражение ее блестящих глаз. На миг они показались ему вовсе

не кошачьими. Он вымыл руки и ополоснул лицо. Сняв полотенце с крючка, обернулся: – Но что-то в этом все-таки есть?

«Есть?» – вопросительно-насмешливо ответила Катенок.

– По-моему, на банкете я немного перебрал, – предположил Семеныч, опуская полотенце до пола как леску удочки. Катенок уцепилась за край и вскарабкалась по махровой ткани до ладони Семеныча. Когда он снова заметил ее заинтересованный и задорный взгляд, совсем не кажущийся ему кошачьим, Семеныч взял Катенку за шею, которую при желании можно было бы легко свернуть, стиснув два пальца. Он развернул ее округлую мордочку на себя и внимательно посмотрел на Катенку. Она сверкнула в ответ глазами, да так, будто пронзила током его зрачки, и отвернулась. Затем резко прыгнула вниз, неловко ударившись о плитку лапами.

«Странная кошка, – вздрогнул Семеныч, промокая руки полотенцем. Катенок немного потеряла равновесие, потому что вода из раковины разбрызгалась на пол, сделав кафельную плитку скользкой. Но, справившись с падением и встав на лапки, Катенок гордо задрала голову вверх. Семеныч в это мгновение почувствовал все на себе: боль в конечностях от удара с высоты, скольжение на мокром полу и неуклюжую быструю возню, чтобы восстановить равновесие. Как будто бы он сам неумело прыгнул с большой высоты на твердый, холодный пол. – Кошка. Да и кошка ли это? Котенок-то не простой. Но какой славный! Даже не то, чтобы славный, а завораживающий какой-то. То есть, какая-то. Кошечка».

– Пойдем ужинать? – спросил Семеныч, и Катенок помчалась на кухню...

* * *

Семеныч лежал на диване. В наушниках, присоединенных к айпаду, заиграла музыка. Заметив, что Катенок, томно развалившись на его ногах, насторожилась и с любопытством заглянула ему в лицо, Семеныч вытащил один наушник.

– Наушники, – объяснил он ей. – Тут музыка играет. Знаешь, что это такое?

Катенок внимательно слушала, подергивая ухом.

– Иди, – позвал ее Семеныч. – Послушай.

Он растерялся, потому что Катенок с готовностью тут же подползла к нему и охотно подставила бархатное ушко.

– Ты понимаешь, что я говорю? – удивился он. – Понимаешь?

«Понимаю», – склонила Катенок голову на бок.

Он снова услышал. Естественно, не услышал буквально, но понял. И списать данное явление на нетрезвое состояние, как в самый первый вечер, у Семеныча уже не получилось.

– Ну как? – Семеныч щелкал композиции, но Катенок осталась ими недовольна. – Не нравится, или ты не понимаешь, что такое музыка?

«Эта не нравится, – обиженно протянула Катенок. – А что такое музыка, я знаю».

– И что же? – захохотал Семеныч, вставая с дивана.

«Некое подобие измененного состояния. Музыка в него вводит ритмом, продолжается мелодией и... Как эти остальные штуки называются?»

– Аккордовое сопровождение, аранжировка, – подсказал ей Семеныч.

«Такое состояние немного похоже на полет», – уверенно заключила Катенок.

– Какое состояние?

«Такое. Ты летать не можешь, зато можешь послушать музыку, – Катенок «говорила» будто свысока. Ее снисходительный тон задел Семеныча. И тут она высокомерно отрезала: – Или выпить».

Семеныч выключил музыку и резко выдернул из гнезда наушники.

– Разговорилась...

Семенычу показалось, что в ответ Катенок нахмурилась.

«Животные не умеют хмуриться», – отрицая невидимую эмоцию недовольства, подумал про себя Семеныч, еще пробуя доказать себе, что Катенок не может быть так «человечна».

Но, когда он приблизился к мордочке, чтобы убедиться в том, что ему показалось это неявное выражение, то насупившаяся было Катенок улыбнулась ему. Нет, она не хмурилась и не улыбалась на самом деле – но так чувствовал Катенка Семеныч и чувствовал достаточно хорошо.

– На полет, говоришь, похоже? – Семеныч одной рукой подхватил пушистый комок с дивана. Катенок затаилась, но в глубине ее глаз заискрились веселые огоньки, предвкушающие что-то необычное.

Семеныч взглянул в сторону открытой двери в спальню. До широкой двуспальной кровати было несколько метров по прямой.

– Ну, держись! – Семеныч мягко бросил Катенка вперед.

Катенок, очутившись на постели, мгновенно слезла вниз по пледу, выставляя задние лапы. И с восторгом помчалась к Семенычу обратно на всех парах, нечаянно перекувыркнувшись через голову в быстром беге.

«Еще!»

– Вот тебе и полет, – засмеялся Семеныч. – А музыкальные предпочтения у нас не совпали, однако... Просто ты не любишь рок.

* * *

Прежде чем оценить свое настроение, проснувшись утром, Катенок смотрела на Семеныча. Если тот замечал ее – мир был в порядке.

Скользкий невидящий взгляд – тревожный мир, исчезающий в бездне. Катенок затаивалась поблизости, с волнением то и дело заглядывала в глаза Семеныча, но мир так не появлялся в его светлых глазах, которые смотрели мимо.

«Где он находится в такие минуты, а чаще часы? О чем он думает? – размышляла Катенок. Был-то Семеныч, конечно, на месте. Что-то делал, говорил, мог даже улыбаться. Но в этом отсутствующем Семеныче не хватало самого Семеныча. Он брлся в ванной, пил кофе на кухне, читал новости на айпаде, словно бездушное тело, как заведенный безэмоциональный автомат. А потом молча уходил в коридор переобуваться. Семеныч убирал в сумку айпад, брал ключи с тумбочки и открывал дверь, совершенно не замечая, что Катенок протискивалась за ним в подъезд.

По утрам Катенок всегда провожала его на работу, точнее, до угла дома, за которым через дорогу находилась стоянка машин. Там Семеныч оставлял на ночь свой автомобиль.

Катенок беспокойно плелась рядом, но в такие дни Семеныч не оборачивался на углу серого кирпичного здания, словно Катенка не существовало. Он просто исчезал за поворотом.

До самого вечера Катенок бесцельно слонялась по знакомым окрестным дворам, не замечая ни цвета, ни запаха, ни людей, ни машин. Бывало, заходила так далеко, что очнувшись от мыслей, обнаруживала себя неизвестно где. Приходилось немало постараться, чтобы отыскать дорогу обратно. Вернувшись на знакомую улицу, Катенок устраивалась на нагретой солнцем крыше трансформаторной будки или забиралась на дерево. Напряженно всматривалась в тот поворот, за которым по утрам пропадал Семеныч, и ждала.

Чаще он приходил в одно и то же время, иногда сильно задерживался, а изредка не приходил совсем. Но за несколько минут до его появления у Катенка всегда начинало отчаянно колотиться сердечко.

Когда Семеныч пересекал двор, Катенок замирала, успевая за миг почувствовать на расстоянии его взгляд и увидеть его глаза. Если они окидывали двор, Катенок радостно неслась

навстречу. Семеныч улыбался пушистому комку. Катенок бежала впереди Семеныча к подъезду. Она оборачивалась или, отставая, мчалась сбоку, пытаясь догнать большие шаги Семеныча и сбиваясь всеми четырьмя лапами. Иногда он брал ее на руки, как в самый первый день, и нес домой – это бывало, когда тонкий аромат мужского одеколона разбавлялся еще одним, не совсем приятным запахом.

Если Семеныч просто смотрел вперед, в ту сторону, куда идут его ноги, а так происходило нередко, Катенок не двигалась. Она видела, как за Семенычем захлопывается дверь в подъезде, и не шевелилась. Посидев немного, Катенок спрыгивала с дерева на землю, поднимала грустный взгляд на окна Семеныча и отправлялась прочь. Распугивала сонных воробьев, дремавших на колючем кусте. Обнюхивала увядшие цветы на затоптанном газоне. Пробовала лапой свежеекрашенную трубу. Дразнила размеренной походкой визгливую белую болонку, которая все лето не покидала балкон второго этажа и без усталости лаяла, захлебываясь от зависти к Катенку, свободно гуляющей во дворе.

Люди торопились по своим домам, и постепенно все движение сходило на нет. Темнея, опускалась ночь. Во дворе становилось тише и чернее. А за домом, на широкой дороге загорались яркие краски: рекламные плакаты, мигающие бегущие строчки вывесок, разноцветные витрины магазинов, фары машин, которые сливались с нисходящим светом уличных фонарей...

Повеселевшая Катенок забиралась на дерево повыше и смотрела в окна домов, на витрины, на красивые блики от проезжающих машин, на небо, если были видны звезды. Чуть позже, спохватившись, с надеждой забегала в свой двор и заглядывала в любимые окна: нет, не видно было Семеныча. Не курил он на балконе. Да и свет в его окнах быстро гас. Хорошо, ночи были еще теплыми. В такие дни Катенок оставалась на улице.

«Ладно!» – Катенок устраивалась на толстой ветке дерева и представляла себе утро, когда Семеныч выйдет чуть раньше обычного и внимательно осмотрит двор, а его глаза будут теплыми. Тогда Катенок подойдет к нему, чтобы проводить его до знакомого угла несчастные несколько метров. Зато Семеныч обернется, и день у Катенка будет замечательный! Будет интересно во дворе! А вечером, вечером Катенок побежит за ним, Семеныч возьмет ее на руки и понесет домой...

* * *

Катенок очень любила вечер, когда они оставались вдвоем. Семеныч, переодевшись, ходил по комнате и негромко разговаривал, обычно что-то рассказывая Катенку. Скорее всего, он рассуждал сам с собой. Сам себя спрашивал, и сам себе отвечал. А если ответов не имелось, Семеныч с легкостью придумывал их, чем чрезвычайно веселил Катенка: абсурдностью ли мысли, шутливой ли интонацией, легким ли прикосновением руки к ее маленькому тельцу.

Затем он ужинал, и, включив телевизор, ложился на диван, прихватив с собой айпад. Довольная Катенок устраивалась рядом, чаще – на его левой ладони. Еще не все слова понимала Катенок, но жадно слушала. Чтобы было о чем думать потом, когда Семеныч вновь скроется за углом на целый день.

Ей очень хотелось пойти с ним. «Нельзя», – Семеныч оборачивался и взглядом останавливал ее на углу дома. На улице Семеныч практически никогда не выражал своего отношения к Катенку. Не говорил с ней, не звал ее. И только дома, отдав одну руку в лапы Катенка, другая вечно чем-то была занята, объяснял: «Что ты? Я – взрослый мужик, а тут ты – пушистая мелочь, смешно же».

Разговаривая с Катенком, Семеныч ухмылялся сам над собой. С одной стороны ему казалось странным, что он понимает кошку, с другой – это было так естественно, словно иначе и быть не могло.

Катенок привыкала. Ей нравилось находиться рядом, когда Семеныч лежал на диване и невольно засыпал под убаюкивающий гул телевизора. Из озорства Катенок могла начать покусывать его руки на запястьях или, переступая лапами с выпущенными коготками, балансировать на его ногах. Разбуженный Семеныч непременно и резко шевелил ими так, чтобы Катенок, оступившись, падала. Он смеялся, а Катенок со временем научилась группироваться так, что как бы неожиданно Семеныч не дернул ногой, то есть опорой, Катенок оставалась в прежнем положении: на его ноге. Семеныч вставал с дивана, убирал айпад и перемещался в другую комнату на постель. Взобравшись за ним, Катенок сворачивалась в клубок около подушки, успокаивалась и затихала.

Нравилось Катенку и смотреть на то, что читал или писал Семеныч. Поначалу он отпихивал ее, а потом перестал, устраиваясь так, чтобы Катенку было все видно: экран айпада или страницы книги. Катенок могла бесконечно долго наблюдать за его бегающими по экрану пальцами, а также, что немало удивляло Семеныча, долго смотреть на строчки текста.

– Ты понимаешь, что написано? – интересовался Семеныч. – Понимаешь?

Катенок неопределенно поводила ухом и не отвечала. Клала голову на его ладонь, и ее кроткий взгляд казался Семенычу задумчиво-грустным. Неясная грусть тут же проникала и в Семеныча, и он умолкал, поглаживая Катенка. Он словно утешал ее своими движениями пальцев, перебирающими мягкую шерстку. Катенок прерывисто и тяжело вздыхала, будто отпуская смутное чувство тоски, но уже через несколько минут ее взгляд снова приобретал свое привычное любопытство.

Иногда, отрываясь на пару мгновений от своего занятия, Семеныч ласково смотрел на Катенка. Иногда смотрел дольше и тяжелее – сквозь Катенка.

Разные были утра, разные вечера. Хорошие и плохие. Радостные и грустные. Только дни были – без. Без Семеныча. А его сильно не хватало Катенку. Так сильно, что приходилось ей о чем-то постоянно думать, чтобы этот недостаток не проявлял себя так явно.

* * *

Существовали и еще одни редкие, но крайне неприятные «чужие» вечера. Катенок толком не понимала, что в них содержалось такого ужасного, но оно было, без всяких сомнений. Хотя, Семеныч и приходил почти вовремя, и глаза его искали Катенка во дворе. Даже нагибался Семеныч к Катенку, бросал несколько веселых полуфраз-полуутверждений, брал ее и нес домой в руках. Но запах...

Посторонний запах. Не машиной пах Семеныч, ни летней пылью, ни работой, ни усталостью, ни дождем. Он пах чем-то другим.

...Или кем-то. Катенку не нравилось ощущать этот запах, эти запахи...

Они бывали разными, иногда повторялись в течение какого-то времени, но общее у них имелось – они были чужими. И Семеныч становился чужим: шутил и смеялся, с хорошим аппетитом уплетал ужин, не ложился на диван, не брал айпад и не смотрел телевизор, а сразу шел в спальню, где мгновенно и крепко засыпал.

А в глазах у него искрилось то чужое, чем он пах. В такие вечера Катенку хотелось убежать на улицу, но она не могла открыть дверь, а будить Семеныча своим мяуканием под дверь – ей казалось унижением. Она, кроме мурлыкания или недовольного урчания, никогда не издавала звуков кошачьей речи, считая их примитивными для себя.

* * *

Маленькая стрелка на часах показывала на четверку, и мокрый нос коснулся щеки Семеныча. За окном оживало утро. Семеныч открыл глаза и в первые секунды пытался сообразить, где он находится.

Частые командировки, когда он просыпался в гостиницах, и крепкий сон, который внезапно прерывался, постоянно сбивали Семеныча с толку. Но присутствие радостного и вечно неспящего котенка означало дом и кучу времени до начала рабочего дня.

Семеныч вздохнул: скорее всего, он больше не уснет. Виновница раннего пробуждения мгновенно поняла это, встрепенулась и, потеревшись головой о его правую руку, прикусила безымянный палец чуть ниже массивного кольца с треснутым сапфиром. Катенок этот палец то ли выделяла своим вниманием из всех остальных, то ли недолюбливала – но то, что он не оставлял ее равнодушным – было заметно невооруженным взглядом по следам от небольших царапин и неглубоких укусов. Семеныч спрятал его в кулак. Катенок, урча, попыталась носом поддеть руку, чтобы все-таки достать палец. Семеныч поддался, и Катенок победно схватилась за кольцо зубами, таща палец вверх.

Семеныч, глядя на возню Катенка, задумался. Вернее, он не совсем еще проснулся, поэтому его мысли были тягучими, медленными и обволакивающими. Необычность того, что он каким-то образом понимает Катенка, со временем стерлась, как любое необычное стирается временем, превращаясь во что-то привычное и естественное.

«Подумаешь, котенок, мало ли таких по дворам бегают? С первого взгляда – обычный котенок. А во второго? Почему на нее хочется смотреть дольше и внимательнее? Что в этих таких некошачьих глазах – волшебного? Даже цвет толком непонятный: синий, голубой, зеленый, серый. Но они притягивают, завораживают, обещают будущее, возвращают в прошлое, меняют настоящее, зовут за собой...» – Семеныч вспомнил, как первое время пытался ее покормить.

...Набрал в супермаркете всевозможных кормов для котят, но Катенок и к миске не подошла. Семеныч налил молока – бесполезно. Сырая рыба, мясо, каша – мимо. Катенок равнодушно отворачивалась, словно это и не являлось едой, и недоуменно поглядывала на Семеныча, точно не понимая, что он от нее хочет. Прошла не одна неделя, как он старательно заполнял миски едой по вечерам, и на следующий день выкидывал все в мусорное ведро. Чем и где питалась Катенок, для Семеныча так и осталось загадкой. Да и лоток с наполнителем для естественных нужд также остался ни разу не тронутым. Эти небольшие странности служили для Семеныча лишним доказательством необычности Катенка. Не раз мелькала мысль запереть ее в квартире на несколько дней и проверить, начнет ли она питаться и ходить в туалет, как нормальные кошки. Но, собираясь по утрам в коридоре, Семеныч наблюдал такое же деловитое поведение и у Катенка, точно она тоже уходила по делам. Это умиляло и останавливало Семеныча от желания запереть Катенка в квартире.

Во время ужина Катенок забиралась к нему на колени, но стоило включить айпад, как она тут же перемещалась на стол. Семеныч признал свою ошибку, что в первый раз не согнал со стола Катенка – но было невероятно смешно наблюдать за тем, как Катенок уставилась на экран и, казалось, с интересом смотрела киноленту. Семеныч тогда нажал на паузу, потому что в комнате зазвонил телефон. Когда он вернулся, Катенок продолжала просмотр фильма. Семеныч опять нажал, остановив показ. Катенок недовольно ткнула носом в центр экрана. Фильм возобновился.

Семеныч тогда улыбнулся:

– Нет. Все-таки ты – непростой котенок.

«Конечно. У простых хотя бы имена бывают», – услышал Семеныч в ответ и оторопел. Он, действительно, так никак и не назвал котенка. Ему и в голову не пришло придумать ей имя. Катенок, казалось, идеально ей подошло.

– У тебя есть имя! – тут же нашелся Семеныч. – Ты не котенок, а Катенок. Чувствуешь разницу?

«Нет», – обиженно отрезала Катенок, продолжив смотреть фильм. Семеныч перенес на стол сковородку с разогретыми свиными отбивными, нарезал хлеб и, взяв вилку с ножом, присел.

Катенок обернулась. Семеныч спонтанно снял с вилки отрезанный кусочек и протянул Катенку на ладони. К его удивлению, она придвинулась и съела кусочек. И потребовала еще. С тех пор, она только так и питалась: с его руки...

– Кофе? – Семеныч встал с постели. Катенок кивнула, и Семеныч расхохотался. Он уже отлично распознавал любое настроение по этой мордочке. Но когда Катенок еще и делала некоторые, почти человеческие движения: кивала, отворачивалась, отводила или опускала глаза, тыкала носом в айпад, толкала его лапой – то все это выглядело поразительно курьезным.

Семеныч налил кофе и вышел на балкон. Катенок важно прошествовала за ним. Дома она всегда ходила за Семенычем, как привязанная. Пока Семеныч курил, Катенок вдыхала запах сигаретного дыма и смотрела на разгорающийся уголек. Семеныч мягко выпустил дым на Катенку. Она, к его удивлению, даже не фыркнула. Прикрыла на миг глазенки и опять уставилась, глядя, как часть сигареты превращается в пепел, как пальцы Семеныча стряхивают отмерший табак вниз.

После Семеныч читал электронную почту на айпаде, а Катенок ходила по столу возле горячей чашки, вдыхая аромат и морща нос. Семеныч вновь засмеялся:

– Сигаретный дым вдыхаешь как родной, а от кофе фыркаешь.

«Кому – что нравится», – обиделась на его смех Катенок. Семеныч посмотрел на нее. Он уже смотрел на нее дольше, и тех взглядов, которые бывали раньше: сквозь и мимо – почти не случалось.

Это означало, что один прекрасно вошел в жизнь другого. И жизнь наполнилась присутствием. Присутствием для Семеныча чего-то очень непонятного, чего-то неизведанного ранее, чего-то иррационального: того, чего не бывает вообще. Не бывает никогда и ни с кем. Конечно же, подобрать кошку, то есть, завести домашнее животное – довольно распространенное явление. Но Семеныч все чаще и чаще старался заглянуть в глазенки Катенки, такие манящие, такие притягивающие. Как зеркальный коридор. Семеныч невольно чувствовал, что это не простая кошка. Мало того, ему казалось, будто она – его часть. Это было безумно, абсурдно, но это было именно так. Так, а не иначе. Потому что иначе было всегда. Всегда до встречи с Катенком.

* * *

...Постепенно все вошло в свою колею. У каждого события есть свое направление. Своя колея. Так и у Семеныча с Катенком. Теперь они были вместе. Они были необходимы и нужны друг другу. Или их союз, если можно это так назвать, был необходим им. Как ни крути, но по отдельности, они уже не могли. Слишком быстро и гармонично они стали частью жизни друг друга.

Вечерами Катенок поджидала Семеныча во дворе. Семеныч ждал вечера, который начинался теперь не с того момента, когда он поужинает и придет «в себя» после рабочего дня, а с угла дома.

Катенок неслась Семенычу навстречу или неожиданно спрыгивала с дерева прямо перед ним. Однажды Катенок, осмелившись, перешла через широкий перекресток и гордо ждала

Семеныча на автостоянке, за что тот ее отругал. Тот факт, что она перебежала быстро и на зеленый сигнал светофора, Семеныча не умалил, и он пригрозил запереть Катенку дома.

Дальше было их время. Время мыслей, разговоров, споров, обид, время их сосуществования, которое с завидным постоянством истекало утром, как только Семеныч поворачивал за угол и уходил. Катенку именно по этой причине утра и не нравились...

* * *

«Ты любишь утро?» – спросила она.

Семеныч оторвался от экрана айпада.

– Раньше бы я, безусловно, ответил: «Да, я люблю утро! Потому что начинается новый день! И он может дать что-то новое, что-то хорошее и интересное!» А сейчас? – Семеныч увидел, как напряженно она ждет его ответа. – А сейчас я не люблю утро, потому что мне приходится расставаться с Катенком. Да, глуповато. Но, вроде бы, так и есть.

Глаза Катенка мгновенно просияли, и Семеныч понял, что именно это она и хотела услышать.

«Какая глупость, Семеныч! – ответила Катенок. – Не расставайся со мной, если не хочешь. Возьми меня с собой! Или останься со мной! Если ты знаешь причину, по которой тебе не нравится что-то – устрани ее!».

Семеныч уставился на Катенку. Долго смотрел, сначала растерянно, потом внимательно. Потом хрипло, будто с трудом выдавливая из себя слова, сказал:

– Не все так просто.

«Но однажды ты сказал, что новый день ничего хорошего с собой не может принести», – вдруг вспомнила она.

– Я тебе этого не говорил, – Семеныч поперхнулся кофе.

«Значит, ты так подумал. Без разницы», – невозмутимо продолжила Катенок.

Сказать, что Семеныч был ошеломлен в это мгновение – не сказать ничего.

– Ну, хватит, – он потряс головой. – Если так будет продолжаться, мне в скором времени понадобится психиатр.

Он выключил айпад и встал из-за стола. В коридоре застегнул молнию спортивной сумки.

«Значит, пойдет качаться», – с раздражением посмотрела на него Катенок, и разозлившись, оставила коготками пару царапин на его ботинках. Ей не нравилось, что до начала рабочего дня Семеныч безобразно и нагло ворует два часа от их совместного утра, посещая тренажерный зал. Хотя его подтянутая фигура нравилась Катенку. Она не любила располневших или слишком худых людей, которые из-за собственной лени или слабости в питании гробили такую прекрасную вещь, как человеческое тело. Семеныч был отчасти солидарен в этом вопросе с Катенком. Отчасти, потому что он никогда не был согласен ни с чем полностью, впрочем, как и не отрицал полностью тоже ничего. В отличие, от Катенка, которая еще делила мир на два цвета: черный и белый. Мир у нее еще не смешался.

Семеныч уже приготовился обуться, но, мимоходом взглянув в зеркало, провел по щеке. Брился он не каждый день, полагая, что это вполне можно делать и реже. Семеныч не любил лишних действий. Ни в быту, ни на работе, ни в чем. Некоторые считали его ленивым, но на самом деле, Семеныча раздражала напрасная трата собственного времени, которое он причислял к невозобновляемым, а потому ценным ресурсам.

Он повернул к ванной комнате. Недоумевающая Катенок поплелась за ним: Семеныч либо брился сразу, умываясь утром, либо не брился.

Следующим странным событием, явилось и то, что Семеныч после этого прошел в комнату, снял пиджак и передел другую рубашку.

Катенка эти два действия не на шутку встревожили.

* * *

Расставание. Угол. Поворот. Катенок не остановилась, шагает рядом. Пересекли вдвоем улицу. Дошли до автостоянки.

– Всё. Ты – во двор.

«Нет».

– Что значит, нет?! Ты отправляешься назад, я иду на работу. Ты – кошка. Я – человек. Что непонятного?! – Семеныч стал заводиться: портить день с утра – дурной тон, так можно испортить весь день, или вечер, на который у Семеныча сегодня были свои планы.

«Я с тобой», – твердо продолжила Катенок. Подняла на него сердитый взгляд. Она стояла на земле и казалась Семенычу такой маленькой, такой беспомощной. Ссориться с таким слабым существом ему совсем не хотелось. Но это существо было так сильно упрямо, что навредило Семеныча на мысль: «а так уж ли слаб тот, кто кажется слабым?».

Иногда Семенычу казалось, что Катенок имеет над ним непостижимую власть. Как будто может, при желании, его в любой момент уничтожить, стереть с лица земли, распылить на молекулы. Словно она, имея внешний вид кошки, фактически является другим, неземным, одним словом, не совсем материальным существом.

Семеныч сел в машину и включил зажигание. Катенок не шевельнулась.

Хлопнула дверь. Сцепление, задняя передача, газ, движение, сцепление, тормоз, сцепление, первая передача, газ, движение. Сцепление, тормоз, остановка. Хлопнула дверь.

Семеныч вернулся и встал перед Катенком, которая так и не двигалась последние две минуты, глядя, как пытается уехать автомобиль.

– Ты не можешь со мной поехать, – мягко сказал Семеныч.

«Я хочу!»

– Пойми, желание и возможность...

«Я есть у тебя? Почему я не могу сегодня быть рядом?»

– Мне в кабинет тебя взять? На стол, как статуэтку поставить? Или, может быть, тебе рядом с моим придвинуть кресло? Это ненормально для общества, чтобы я разъезжал по делам или сидел в офисе с котенком!

«То, что ты с ним делишься всем, что есть у тебя, то, что ты с ним разговариваешь – это нормально?! Пока об этом никто не знает? Значит, нормальность определяется лишь видимостью? Тогда объясни, почему ненормальность становится несуществующей, если о ней никто не знает? Она все равно есть, видит ли ее один человек или несколько. Или не так?» – вознегодовала Катенок.

Семеныч не знал, что на это ответить. Естественно, он мог бы сказать банальность: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», или что-то подобное. Но Семеныч никогда не был приверженцем ханжеской морали и слепым последователем сложившихся в социуме стереотипов. Он понимал правоту Катенка, но не мог ее принять. Потому что тогда полностью разрушилось бы все его восприятие мира, вся его предыдущая жизнь, которую Семеныч вовсе не считал такой уж плохой. Так, разве бессмысленной немного. Или много бессмысленной. То есть полностью.

Поэтому он промолчал.

Дверь. Машина резко тронулась с места и уехала. Катенок тут же пожалела, что Семеныч рассердился. Затем она разозлилась на себя, потом на Семеныча, и снова на себя.

Вздохнула и поплелась по дневному маршруту, который становился известным с каждым сделанным шагом ровно на один следующий шаг.

«Ну что за человек – Семеныч?! – досадовала Катенок. – Хотя, что с него взять. Человек всего лишь. Наставить ограничений и тайком их раздвигать – норма. Норма общества? Или норма сохранения спокойствия общества, чтобы оно не сошло с ума?».

Солнце припекало: было слишком жарко для осени. Катенок старалась идти в тени. Она шла в такт своим мыслям.

«И я знаю, что он ответит! Он скажет: «Ограничения сами выстраиваются. Эволюционно. Человек их или принимает или не принимает. Когда человек принимает те или иные ограничения, он не предполагает их раздвигать. А если потом ограничения становятся тесными, то их раздвижение одним человеком может негативно влиять на других людей. Хороших людей, которые не заслуживают такого к себе отношения», – даже в мыслях Катенок точно воспроизвела его слова с его же интонацией.

Сначала она злилась, потом смирилась, затем отвлеклась. Желтые листья от ветра падали на землю, словно показывая Катенку закон всемирного тяготения.

«Сколько еще этих законов, которые сами себя доказывают, и сколько других, которые сами себя оправдывают и существуют только для того, чтобы видимость была узаконена, ни капли не доказывая ее реального отображения?» – мысль перебилась запахом свежего хлеба из магазина. Катенку захотелось есть: кофейным ароматом сыта не будешь.

* * *

Время, так или иначе, прошло. И приблизилась та часть суток, которая сама по себе уже вызывала радость у Катенка.

Катенок побежала во двор, залезла на дерево. Залезла высоко: она на такую высоту еще не забиралась. Но все течет и изменяется: лапы становятся крепче, когти острее, ловкость и сноровка оттачиваются. Отсюда был виден поворот и большая дорога. И можно было уже не ждать шагов Семеныча, а видеть, как подъедет его автомобиль на стоянку.

Но Семеныч не появлялся. Час, другой, третий – его машины не было. Катенку стало не по себе. Пространство наполнялось тревогой так же быстро и неотвратимо, как одна секунда сменяется другой. Катенок напряженно смотрела на дорогу: синяя машина, красная, белая...

«Где же ты?» – она слезла с дерева и к окнам. Нет. Мертвая тишина, приоткрытое с утра окно. Вскарабкалась опять на дерево.

Шелест шин заставил сердце биться чаще. Еще не видя и не слыша, но чувствуя Семеныча, Катенок стала торопливо спускаться обратно.

Знакомый звук подъезжающей машины. Катенок неслась вперед: точно, родной звук захлопывающейся двери автомобиля. Шаги, любимые шаги.

Поворот. Угол. Перекресток.

«Семеныч!!!»

* * *

Семеныч пребывал в отличном расположении духа. Заметив, как Катенок мчится к нему, затем делает пару кругов около его ног, остановился, чтобы не наступить на этот «эмоциональный вихрь». Оба уже давно забыли об утре. Память быстро и глубоко умеет прятать неприятности и также стремительно умеет извлекать их в самый неподходящий момент.

И, как будто, ничего не было: ни утра, которое поссорило их, ни дня с его разъединяющей их сущностью. Все встало на свои места. Как будто все стало именно так, как и должно было быть. Для Катенка была только одна радость – Семеныч, а для Семеныча сейчас была только одна радость – Катенок. Любая эмоция должна возникать в свой, отведенный ей момент времени, для того чтобы быть полноценной.

Катенок, подняв хвост трубой, побежала к подъезду. Не услышав шагов позади себя, обернулась. Семеныч сел на скамейку, оглядел заросший двор, старенькую детскую площадку, опавшие листья на земле под ногами. Достал сигареты.

Катенок на всех парах помчалась к нему, и с разбегу запрыгнула к Семенычу на колени.

– Как ни парадоксально, но понятие «бесконечность» не распространяется ни на постоянное хорошее, ни на постоянное плохое, – Семеныч закурил. – Постоянно плохо или постоянно хорошо не бывает. Никогда не бывает. Ни у кого. «Хорошо» или «плохо» – это как разность потенциалов, дающая энергию жизни. Если бы этой «разности потенциалов» не существовало, то и жизни бы не было. Или была бы? Но это была бы уже другая жизнь. Люди так не живут. Хотя живут некоторые. Издавна на Руси сумасшедших звали блаженными. Вот только у них все могло быть хорошо. Наверное.

Катенка уже не удивляло то, что Семеныч мог ни с того, ни с сего заговорить на отвлеченные темы. Скорее всего, считала она, он продолжает свою мысль, только, выраженная без видимого начала, то есть причины, она выглядит странной. Но Катенок без труда домысливала то, о чем говорил Семеныч. Он мог, как неожиданно о чем-то начать говорить, так и неожиданно оборвать свою речь, точно мысли посещали его разум, как скоростные поезда в тоннеле: влетали и вылетали.

Он замолчал также внезапно. Катенок ревниво проследила за взглядом Семеныча: вдалеке, на площадке играли дети.

– Почему ты не любишь детей? – Семеныч потрепал Катенку за уши. Она пригнула голову от удовольствия.

«А ты любишь?» – по возмущенному вопросу вместо ответа, Семеныч понял, что попал в точку. Он никогда не видел, чтобы Катенок подходила к детям. Хотя они часто звали ее, выманивая из-за кустов. Но Катенок брезгливо старалась обойти их стороной.

– Да, – для Семеныча было удивительно, что можно не любить детей. Дети казались ему маленькими, еще не испорченными обществом людьми, непосредственными, милыми, забавными и трогательно беспомощными.

«Полуфабрикаты, неизвестно чем начиненные. Что хорошего в этих слюнявых отнимателей времени и здоровья? Ты смотрел на небо. Ты его любишь. Ты перевел взгляд на детей с той же любовью. Но это разные вещи. Нельзя детей любить, как картинку. Любовь к ним – это тяжелый труд, иногда чреватый разочарованием. Не только в них, но и в себе. Если бы ты окунулся в него, то, возможно, твое «да» было бы не таким быстрым, – Катенок совершенно не понимала Семеныча в этом вопросе. – Человеческая жизнь вокруг них вертится. Складывается впечатление, что людям нужно вырасти, чтобы родить, а потом растить того, кто опять родит. И это на всю жизнь! Типа, смысла».

Впрочем, Катенок не считала любовь Семеныча к детям таким уж существенным недостатком. Но и не считала его любовь искренней, поскольку с детьми он никогда не играл и не проводил с ними время. Его любовь к детям, Катенок полагала надуманной.

«Пойдем домой?» – Катенок проголодалась за день совсем не по-кошачьи. Она ластилась к щеке Семеныча, вдыхая знакомый, безумно приятный запах. Но, кроме него, неожиданно обнаружилось присутствие «редкого вечера» и «чужого Семеныча».

«Вот почему его не было так долго! Вот почему он передевал рубашку! Вот почему он весел и приветлив...» – Катенок попятилась.

Ей стало так больно, что ушли все мысли и чувства, и возникло одно непреодолимое желание – прочь, прочь отсюда. Словно она опять упала с дерева и ударилась животом о железную трубу бывшей оградки бывшей клумбы.

Семеныч не понял, что произошло: глаза Катенка за секунду переменялись, и она попятившись, сползла с его коленей.

* * *

Прошло несколько дней с того вечера, когда Катенок слезла с его ног и умчалась.

...По утрам Семеныч выходил, топтался во дворе, нарочито медленно заводил машину, обходил ее несколько раз, все время оглядываясь. В неосознанном беспокойстве заезжал на обед домой, и, не притронувшись к еде, возвращался в офис. По вечерам курил на лавочке, не спеша шел к подъезду. Отвратительно спал ночами. Не закрывал на ночь окно, в надежде что-то услышать, хотя и помнил, что Катенок ни разу не мяукала. Но он знал, что выскочит из дома и посреди ночи на любой подозрительный звук на улице.

Семеныч спускался в подвал, выпросив ключи у дворника. Поднимался на чердак – но Катенка не было нигде, и никто ее не видел.

Исчезновение Катенка словно оборвало невидимые нити, позволяющие «держаться на плаву», отрезало часть мироощущения, сделав оставшуюся опору шаткой, разрушило грани чего-то ранее незыблемого. Семеныч отдавал себе отчет в том, что пропажа обыкновенного домашнего любимца не могла таким образом отражаться на его состоянии. И это ему не понравилось.

«Куда она делась? Что случилось? Чертова кошка!» – Семеныч не нашел ничего лучшего, чем разозлиться на Катенка. Злость его спасала. Как крепость, она становилась преградой неведомому чувству: описать его не представлялось возможным, так же, как и жить с ним.

Приходя домой, Семеныч ложился на диван, грудной клеткой опираясь на ладонь, сжатую в кулак. Казалось, под ребрами что-то жаждет пожара. Невыносимо сильно хотелось просунуть руку внутрь и чиркнуть зажигалкой...

* * *

Семеныч направлялся вечером домой, все еще оглядывая по привычке двор. Катенок возникла перед ним неожиданно. Худая, усталая, изможденная. Это был не радостный пушистый комок, бросавшийся так недавно под ноги. Это была не маленькая упрямая Катенок, обижавшаяся по всяким мелочам.

Перед ним стояла молодая кошка и смотрела на него. Смотрела больно, жестко, умоляюще, ласково, любя – как все это можно было соединить в одном взгляде, Семеныч не понял.

У него возникло ощущение, что Катенок еле держится на ногах. Семеныч присел на корточки:

– Иди ко мне? – осторожно произнес он.

Катенок, подрагивая, нерешительно сделала один шаг навстречу.

Семеныч взял ее на руки.

Есть Катенок не стала и уснула в его руках. Аккуратно положив ее на постель, Семеныч смотрел на нее: лапы вытянулись, тельце подросло и приобрело худощавость, шерстка стала более шелковистой и густой.

– Где ты была, Катенок? Что произошло? – его чувства парализовало. Семеныч ничего не соображая и ощущая только тяжелую необъяснимую тревогу, убивающую способность думать и что-либо ощущать кроме нее самой.

* * *

Катенок спала долго – ночь, утро, день, вечер, ночь. Семеныч был рядом две ночи: прислушивался к ее прерывистому дыханию. Беспокойно было видеть в таком состоянии Катенка.

Она никогда раньше не спала так долго, мало того, постоянно не давала заснуть вечером, а по утрам вечно будила на рассвете. Семеныч трогал ее горячий нос, гладил по спине, и наутро уже решил отвезти Катенка к ветеринару.

«Вставай, Семеныч! Да вставай же ты!!!» – он проснулся от мокрого носа, блестящих глаз и еще не начавшегося рассвета.

«Как всегда! Все на своих местах!» – Семеныч так обрадовался, что Катенок стала прежней, и ничуть не разозлился, что опять она подняла его ни свет, ни заря.

Кофе с лимоном вместо завтрака. Катенок фыркает. Семеныч улыбается.

– Объяснишь?

«Нет, – промелькнуло что-то в кошачьих глазах и спряталось вновь. – Я скучала».

– Иди, ешь, в чем душа-то еще держится? – Семеныч налил молока в блюдце и достал из холодильника тушеное мясо, оставшееся от ужина. Поставил на пол. Но, видя, что Катенок недовольно повела ухом, переставил тарелки на стол. Сел рядом с чашкой кофе. Катенок ела жадно, не жуя, а заглатывая куски мяса. К молоку не прикоснулась.

«Странно это все. Мужчина и Кошка. Катенок и Семеныч. Она и Он... Он и Она? Что за бред! Человек и животное не могут быть: «Он и Она». А может быть, Катенок и не животное вовсе? – Семеныч шумно отхлебнул кофе. – Ну и придет же в голову всякая чушь! Или я сошел с ума, или мир сошел с ума. Или мир открылся с той стороны, которую я, как и большинство людей, прежде не знал»...

– Пока, до вечера? – глаза Семеныча смотрели напряженно.

«Да!» – глаза Катенка смотрели ласково.

* * *

Катенок побродила по дворам, проверяя окрестности: все ли осталось в порядке, пока ее не было.

Иногда мир делается восхитительным. Возникает ощущение, что ты касаешься вечности. Все становится прекрасным, незыблемым, прочным, появляется место, и ты вливаешься в него, чувствуя, что это место в жизни только твое. Ты начинаешь с удовольствием просыпаться и засыпать, уходят страхи и появляется уверенность, что все так и должно быть.

Вернувшись во двор, она забралась на излюбленное ветвистое дерево. Заняв удобное положение, Катенок задремала.

Нечто прозрачное и невесомое, как воздух, образовалось в пространстве и «уселось» рядом на ветку, не задев при этом ни листочка.

– Привет!

«Иди отсюда», – Катенок не открыла глаза. Она и так знала, кто это.

– Еле отыскал! Это надо же! Кошка! Вы посмотрите на нее! – в удивленно-насмешливом тоне просквозило явное облегчение.

«Посмотрите на нее», – мысленно передразнила Катенок голос, который не был слышим обычным способом, таким как орган слуха у живого земного существа.

– И долго это будет продолжаться?

«Вечность», – Катенок скопировала тон собеседника: те же спокойствие и невозмутимость.

– Ты забыла, кто ты?

«Да! – расхохоталась она. – Я стерла все прошлое до рождения Катенка. Я удалила постоянную память за ненадобностью, оставив временную для нахождения еды, дороги домой, и знаний о том, что зима сменяется весной. Это все».

– Так дело не пойдет. Тебе нужно вернуться, – голос еще звучал в пределах спокойствия, но струны напряжения уже натягивались, грозясь лопнуть.

«Я остаюсь здесь», – Катенок приоткрыла упрямые глаза и стала глядеть вниз, на землю. Можно было, впрочем, бесполезно смотреть на невидимого собеседника, но это не имело никакого смысла, так как присутствие существа ощущалось несколько по-иному, чем это привычно для человека или животного.

– Это не в твоей власти. Мы все равно заберем тебя, если ты не вернешься по своей воле, – слова становились тверже и резче.

«И что вы сделаете? Варианты: пожар с моим сожжением, наезд на меня автомобиля, что? Или я утону в море, отправившись на прогулку на собственной яхте? А может, я упаду с этого самого дерева на чью-нибудь голову? Жаль, я не черного цвета, все можно было бы обставить мистически трагично!» – Катенок смеялась, в ярких красках представляя себе свои возможные кончины.

– Ты знаешь, что мы сделаем это. Не важно – как, – собеседник поморщился от открытого сарказма Катенка.

«Давай, давай, светлый ангел! Подумай хорошенько, как убрать ни в чем не повинную кошку. Делай это много-много раз, потому что с первого раза у тебя ничего не получится. Я вернусь обратно другим котенком или щенком, а может, женщиной? Или превращусь в дерево, и вам придется ждать много лет, пока не освободится моя сущность. Хотя, можно просто уничтожить земной мир, избавив, тем самым, все души от материальной оболочки. И тогда искать меня не придется так долго!»

«Женщиной», – это слово вырвалось у Катенка в пылу дискуссии, как шутка, безосновательное предположение. Но сама мысль – стать женщиной – почему-то ей пришла по душе. Катенок считала, что в таком случае, «чужих запахов» и «редких вечеров» у Семеныча она тогда просто не допустила бы. За одно мгновение Катенок развила скорость своей мысли до невообразимой и неожиданно поникла – она не знает, какие женщины нравятся Семенычу. То, что он их любит – это Катенок поняла сразу, и понимала уже не раз. Но она не знает, что ищет он в них, и что его в них привлекает. В любое тело можно влезть без всяких проблем, но как узнать, что нужно Семенычу?

– Посмотри, во что ты превратилась. Тебе нравится так проводить время?

«Как?» – Катенок отвлеклась от внезапно охвативших ее мыслей о Семеныче.

– Бесцельно!!!

«А-а... Да. Нравится. Очень нравится. Мое время – как хочу, так его и убиваю. А если оно кому-то кажется бессмысленным или бесцельным, то, возможно, ему это только кажется».

– Как с тобой договориться? – голос был озадачен и зол. Разговора не вышло. И результата разговора, естественно, тоже. Того результата, за которым и явилась эта тень, это существо, этот «светлый ангел» или это нечто, не являющееся жителем физического трехмерного мира.

«Никак. И не тебе меня пугать или соблазнять. Иди, спасай человечество, и остальные ступени миров, пока они не утопили сами себя в собственных экскрементах лжи, войн, болезней, умственной и психической недоразвитости. Я в этом дерьме копать не собираюсь. Это бесполезно. Я буду жить ради своего удовольствия. Прошу оставить меня в покое», – Катенок демонстративно отвернулась.

– Seriously?

«Абсолютно».

Существо замолчало, подбирая угрозы.

«Семеныч? – тщательно отсканировалась в его сознании последняя пара месяцев жизни Катенка в теле кошки. – Смертельный несчастный случай? Слишком просто. Несмертельный несчастный случай? Можно сделать Семеныча инвалидом, растением, сумасшедшим, причем незаметно: алкоголь, наркотики, психологическая зависимость от привязанности к религиозному сообществу... И рычаг для Катенка будет найден. Она с легкостью вернется, лишь бы состояние Семеныча стало прежним, нормальным. Ни ангел, ни бес, ни человек еще ни разу

не оступились на этом. Когда находят что-то дорогое, человека, дело или идею, то есть то, ради чего стоит жить – они жертвуют собой. Но дело не в Семеныче. Да и, вообще, не в физическом мире. Дело в Катенке, которая, при желании и в сочетании с необузданностью своего характера вполне может внести достаточно серьезные возмущения в относительно спокойный сейчас мир этой сверхъестественной системы: мир ангелов, мир грез, мир эгрегоров, ощущений, чувств... Иной мир. А вот этого допустить никак нельзя».

Если бы Катенок услышала эти мысли, почувствовала бы агрессивное волнение, то она уничтожила бы моментально это существо, и еще неизвестно кого или что в придачу.

– Я еще раз...

– Ну что еще? – Катенок непомерно устала от собеседника. Такой диалог, а проще контакт с неравным для нее сейчас существом стремительно вытягивал все силы, всю энергию, которая только недавно начала восстанавливаться у Катенка.

– Ты станешь кошкой.

– Уже.

– Совсем станешь. Через некоторое время. Материальный мир поглотит все твое существо. И ты на самом деле станешь кошкой. Полностью. Разумом. Телом. Ты останешься навсегда кошкой! Умрешь кошкой и не сможешь вернуться обратно. Предупредить хочу, по-хорошему. Возвращайся, пока не поздно.

– Отстань от меня.

– Катенок... Никто не возвращается. Ты же это знаешь...

– Пошел вон.

Невидимое и невесомое «нечто» ретировалось, растворившись в своем исчезновении. Пространство вновь успокоилось и стало стабильно материальным: притихший к обеду двор, воркотня голубей около помойки, неподвижность крупных листьев на ветке с огрубевшими по осеннему черенками, осиротевшая детская площадка, полупустая парковка машин на давно вытопанных газонах...

«Нашли все-таки! Выждали! Не успела я прийти в себя, как тут же сама себя и обнаружила. Не отвяжутся теперь. Поискать себе новое убежище? Пока я адаптируюсь полностью в чем-то новом, еще время пройдет, и так можно продолжать до бесконечности. Им это надоест, и...» – негодовала Катенок, сердито дергая хвостом. Когти напряженно впились в кору дерева. – Кто-то послал его за мной? Какое им вообще дело до меня? Какая им разница, где я нахожусь? Разве я кому-то мешаю своим отсутствием там и присутствием здесь?!».

Конечно, Катенок не могла не подозревать, что к ней могут найти не совсем гуманный подход, когда она откажется возвращаться. Но Катенок полагала, что так долго искать ее не будут и оставят в скором времени в покое. Идея затаиться в материальном теле не была новой и оригинальной для существ-эгрегоров. Катенок считала, что в этом ничего страшного нет, и если это не приносит никому вреда, то и преследоваться не должно. Однако, судя по всему, кому-то очень не понравился самовольный уход Катенка в другую реальность, и этот «кто-то» не оставит теперь попыток вернуть все на свои места.

«Но меня не за что схватить. Никто не знает, чем я живу. За счет чего существую. В чем моя слабость. Потому что у меня ее нет, и не было! Семеныч... – Катенок нервно спрыгнула с дерева, грациозно попав на кучу осенних сухих листьев. Взглянула на солнце. – Пусть только попробуют, я натворю таких дел, что им не разгрести их в этой вечности. К Семенычу надо. Срочно».

Без него Катенку вдруг стало беспокойно. Невыносимо сильно захотелось увидеть его, пораженный ее неожиданным присутствием на другом конце города, взгляд светлых бездонных глаз.

«Можно было бы, и проникнуть к его существу без преодоления расстояния. Он-то удивится еще больше, когда на рабочем месте обнаружит мою бестелесную энергию, когда я

покажу, как ее почувствовать. Но мир физический, не буду пока его рушить», – Катенок помотала головой, желая растрясти все лишние мысли, и помчалась к Семенычу.

* * *

Кирпичное двухэтажное здание офиса, построенное между двумя многоэтажными домами. Катенок нырнула в арку и, очутившись недалеко от крыльца, стала прохаживаться около машин. Ждать пришлось недолго: пространство сегодня оказалось на редкость милостивым, и минуту спустя в дверях появился Семеныч. Прислонившись к косяку, он огляделся. Глаза – как небо; губы сомкнуты – о чем-то думает; одна рука что-то ищет в кармане пиджака – Катенок откровенно любовалась им. Совсем не по-кошачьи.

Семеныч заметил ее, улыбнулся и сбежал со ступеней.

Обогнули здание. Семеныч шел по тротуару, а Катенок – по бордюру на противоположной стороне дороги. Юркнули в дыру забора соседнего двора. За кустами, образовавшими собой живую изгородь, обнаружилось поваленное дерево.

– Неймется? От безделья прискакала? Колесо утром проколол, а обнаружил на полдороге, пришлось в шиномонтаж заезжать. На работу к одиннадцати добрался, а у меня в десять встреча назначена была, – Семеныч достал пачку сигарет, вытащил из нее сигарету и зажегалку.

«Я люблю тебя!» – Катенок посмотрела прямо в глаза Семеныча. Это надо говорить, глядя в глаза.

– Что? – смешавшись, взглянул на нее Семеныч. Подумав, что ослышался, продолжил: – Два совещания сегодня, первый раз покурить вы...

Катенок блуждала в плену собственных мыслей. Не слушая Семеныча, она лихорадочно отмазывала время назад.

«Прокол шины. Остановка автомобиля. А зачем? Надо посмотреть дальше. Да вот оно: через две улицы едет ремонтная машина, большая и тяжелая. Водителю плохо, он не управляет техникой. Проезжая по инерции маленький перекресток, машина упирается в бетонную стену и останавливается, сплющивая кабину. Да, если бы Семеныч вынужденно не припарковался из-за прокола, то он выехал бы с прилегающей дороги, и эта оранжевая машина протаранила бы его автомобиль, смяв между собой и бетонной стеной, – Катенка прошиб пот. – Глупый ты, Семеныч! Ты недоволен опозданием на работу, что немного подвел людей, и не знаешь, как опоздал на собственное несчастье. Как это важно бывает – не попасть туда, куда не следует. Наверное, они делают там и хорошие дела. Позаботились о моем человеке? Или хотели предупредить меня таким образом? А может быть, это просто совпадение?».

Семеныч, потушив окурок, поднялся.

– Домой пойдешь или тут покрутишься?

«Не знаю еще», – понимая, что для сегодняшнего дня событий уже приключилось достаточно, Катенок, не торопясь, стала удаляться.

* * *

Сегодня оба изрядно утомились: у Семеныча – напряженный, неожиданно затянувшийся до позднего вечера, рабочий день, у Катенка – такой же хаос в голове. Ей необходимо было что-то решить или предпринять после утреннего «сигнала».

Устало встретились возле подъезда и пошли домой. Молча поужинали и нашли место на диване. Друг возле друга.

Семеныч задумчиво водил пальцем по айпаду, вяло читая, что попадалось на интернет-страницах. Катенок положила голову на его левую ладонь, а лапами упиралась в Семеныча, периодически выпрямляя их и мягко толкая его в бедро.

«Так хорошо и уютно. Со многими ли мы испытываем такое? – Катенок, забывшись, выпустила от удовольствия коготки. Семеныч чуть сдвинул брови. – С каждым ли мы можем чувствовать себя так комфортно? А отчего это зависит? От многих причин. От близости людей. От их чуткости. От личного пространства, которое не должно мешать другому, и не ограничивать само себя. От любви, от дружбы, от понимания. От любви. Точно, людям не хватает любви. Свободной, сильной и независимой. К живому и неживому. К явлению или существу. Ага, и где ее взять? Кажется, я знаю...»

Семеныч резко выдернул ладонь. Катенок, опомнившись, тут же спрятала когти и виновато переместилась опять на его опустившуюся руку.

«Сколько всяких слов и определений, нужных и не очень, а все сводится к двум – хорошо и плохо. Да, Семеныч? – рассеянно вертелись мысли Катенка. Она вновь уткнулась в ладонь Семеныча. Он шевелил пальцами, глядя ее лоб. Катенок замерла от наслаждения. Ей не хотелось больше двигаться. – Это мы можем не двигаться. А время не может. Оно тянется, ползет, идет, бежит, летит. Замедляется в горе, убыстряется в счастье».

Семеныч выключил айпад. Щелкнул кнопкой выключения на пульте телевизора. За окном стал слышен монотонный шум осеннего дождя.

«Что дальше, Семеныч? – Катенок подняла голову. – Что же будет дальше?»

Семеныч внимательно посмотрел на нее. И ответил:

– Я не знаю, маленькая.

«И что же делать теперь мне? Вот уж никогда не думала, что тут может быть так грустно и запутанно».

– Здесь не грустно. Здесь тошно. Здесь противно, – оставив Катенка на диване, Семеныч подошел к окну. За стеклом подрагивали ветки, мокрая листва поблескивала в свете фонаря. – Бессмысленно. Зачем я здесь? Работа, дом. Дом, работа. Все суетятся, чего-то зарабатывают, гоняются за чем-то. И все без толку. Впереди старость, болезни, смерть. Пыль. Общество это, как змеиный лабиринт. Неверный шаг, и порция яда нарывает кожу. Все одно и то же. Все продается, ворует, покупается, отбирается. Все, кроме времени. А оно стучит в башке, точно часовой механизм от бомбы. И сбежать отсюда некуда. От всех. Чтобы все оставили в покое.

«И отсюда некуда сбежать», – Катенок вздохнула.

– Эй, – неожиданно Семеныч подхватил Катенка под живот, приподнял ее и носом коснулся ее лба. – Что мы загрузили?

* * *

Утром Катенок проводила Семеныча до привычного угла, чувствуя по вибрационному холодку, который проникал сквозь кожу, что за ней наблюдают. Она обреченно поплелась назад, даже не дождавшись, пока Семеныч перейдет перекресток до стоянки и оглянется на прощанье.

– Неплохо устроилась! – очевидно, это послужило приветствием для Катенка. Существей-эгрегоров на этот раз было две. Они расположились на детских качелях.

«Покачать?» – услужливо предложила Катенок.

– А ты и спишь, и ешь? Как кошка? – возбужденно спросило одно существо. – И что? И как это?

«Потрясающе. Хотите тоже попробовать?»

– Нет, – заколыхался второй эгрегор. – Голова еще на месте.

«Как вы меня нашли?»

– Энергия у тебя сконцентрировалась. И теперь твое местонахождение не составляет никакой тайны. Все просто. Энергия для эгрегора, что тело для человека. Нет тела – нет человека. Нет энергии – нет эгрегора.

«Зачем, то есть?» – прервала его Катенок.

– Навестить.

«Как мило с вашей стороны. Предложить вам молочка из блюдца и расширение вселенной на закуску? – Катенок почувствовала, что эгрегоры пришли о чем-то просить, поэтому она сразу перешла к делу, избавляя себя от бессодержательного обмена любезностями. – Что у вас нового?».

– Я нечаянно просмотрел, как затонул теплоход, потому что капитан валялся в рубке пьяный, а его помощник развлекался в каюте с девицей, – тут же без обиняков, не стал тянуть время один из эгрегоров. – Честно говоря, я на них и засмотрелся, и пропустил механические поломки. Полторы сотни жертв, а мне теперь восстанавливать баланс у их оставшихся в живых детей, немощных родителей, неутешных половинок.

«Как дорого тебе обошлись пару часов эротики, – посочувствовала Катенок. – И что ты собираешься делать дальше?»

– То был качественный порнофильм, ты не представляешь, они...

«Стоп, хватит! Остановись, высоконравственный! Мне эти подробности без надобности сейчас», – Катенок была им немного рада. Давно она уже ни с кем не общалась. Весь мир замкнулся на Семеныче, словно кроме него ничего не существовало.

Вернее, это новое существование Катенка началось именно с Семеныча. Сознание возвращалось к ней постепенно, память восстанавливалась рывками. Жизнь в теле обыкновенной кошки подарила и массу необычных ощущений: эмоциональных, тактильных. Возможности Катенка, как эгрегора, полностью не пришли в норму. Но она, впрочем, была довольна тем, что ей пришлось испытать. По крайней мере, это было что-то новое, а оттого и интересное. Похожее на первый прыжок в воду с огромной высоты, когда ты стремительно падаешь, чувствуя тяжесть собственного тела и легкость воздуха, затем разрезаешь грань, и иная плотность воды впускает тебя неохотно, по инерции тело двигается еще вниз и останавливается; толчок, и сама вода позволяет и помогает тебе вынырнуть. О своем поступке Катенок еще не пожалела. Хотя, сожалеть о чем-либо ей было и раньше несвойственно. И если бы не последние две встречи с эгрегорами, Катенок с удовольствием посмотрела бы на то, что с ней будет происходить дальше. К тому же, физический мир стал теперь близок и более понятен.

– Что делать? Надо разделаться с этой кучей. Если я разгребу ее быстро, пока их мысли-молитвы от сильного горя не дошли до Хозяина, то все обойдется. В общем, необходимо срочно сделать их более счастливыми, чем до катастрофы. Чтобы все думали, что так и должно быть. Как они любят говорить: «Что бог не делает, то к лучшему». Но мы вдвоем не справимся. Может, поможешь, все равно ничем не занята?

«А ты не у дел? Или по доброте душевной помогать взялся?» – Катенок уставилась на другого эгрегора с любопытством. Насколько она смогла его почувствовать, он не отличался тем, что мог подставить дружеское плечо вовремя, но повеселиться или подурочиться всегда был рад. Однако, как приходилось отвечать, его и след простывал. Катенок не любила таких. Она считала, что ответственность необходимо нести в полной мере.

– На мне племя в дебрях Африки. Самобытные, первозданные, одежды нет, соседних племен нет. Прогресса ноль. В данный момент там засуха. Сезон дождей через месяц. Мрут животные от нехватки влаги. Люди их жрут, так что едой они обеспечены. Со скуки сдохнешь. Пару недель насмотрелся на их ритуалы. Надоело. Что у них случится? Никто и не узнает, что меня там нет, – засмеялся он. – Если только эти аборигены зря будут жертвы приносить. Знали бы они, что мне их жертвы до лампочки. Не ем я их быков. Дождя все просят, идиоты. Сколько веков у них одна погода из года в год, сезон засухи сменяется сезоном дождей. Но

они обвешаются крокодильими зубами и прыгают по ночам вокруг огня, и думают, что дожди приходят в ответ на их шаманьи танцы.

«Мы за месяц не управимся. Смотрите сами. Одним надо найти любимых, или тех, кто ими станет. Детей, оставшимися сиротами, распихать по родственникам или детдомам со скорейшим усыновлением, а со старыми – что?» – Катенок соображала быстро, уже по-деловому подсчитывая время без Семеныча и чувствуя, что отказать в помощи не вправе.

Она понимала, зачем сущности обратились к ней. Эти два эгрегора были слишком малы и неразвиты. Они искренне верили, что обязаны смотреть за человеком или группой людей. Совершенно так же, как люди наполняли свою жизнь различными обязательствами, которые и считали смыслом существования. И, недосмотрев, эгрегоры винили себя и пытались исправить ошибку. Конечно же, эгрегоры не могли двигать людьми, как фигурками, но вполне могли наполнять пространство некоторыми мыслями, которые и «вдыхали» люди. Соответственно, мысли рождали действия и поступки людей, а те, в свою очередь приводили к определенным обстоятельствам. И люди считали мысли своими, а обстоятельства – не всегда. Хотя все порой происходило с точностью до наоборот.

Катенок смутно подозревала, что она больше, самостоятельнее и сильнее эгрегоров. И ее это раздражало. Что она не такая. Существовать интереснее среди равных. Или среди более сильных, тогда есть куда стремиться и развиваться, считала Катенок.

Катенок знала, что эгрегоры вообще могли ничего не исправлять при сложившихся обстоятельствах. Мало того, эгрегоры и вовсе не были ни в чем виноваты. Но Катенок и не собиралась подвергать сомнениям ими же выдуманную концепцию их существования. Иначе пришлось либо доказывать ее неправильность, либо предложить свою взамен, чего Катенок тоже не желала делать.

Катенку и самой не терпелось вновь попробовать себя. Обитая в непосредственной близости к людям, она не знала, как могут измениться ее возможности. И это было любопытно. Поэтому, эгрегорам о том, что их деятельность по исправлению ситуации с затонувшим теплоходом не является необходимой – Катенок ничего не сообщила.

– Меньше. Я все подсчитал. Мне лишь срочное, со стариками – их пять. Пара невест неутешных. С детьми – я сам, – эгрегор явно занижал численность от семей полторы сотни утопших, чтобы только заманить в свое дело еще одного помощника. Катенок поморщилась, почувствовав недосказанность.

«Ладно, ладно, – мысленно Катенок уже увлеклась будущим занятием. – Я сейчас».

– Что еще у тебя?

«Надо! И за мной не смотреть!» – Катенок помчалась к Семенычу. Могла перенестись мгновенно, но впопыхах об этом забыла. Странно было видеть кошку, бегущую по улицам города со скоростью лани. Катенок неслась через перекрестки, не боясь машин, неслась по тротуарам, не боясь людей. Мчалась так быстро, что создавалось впечатление, что она не касается лапами земли.

Поспешно забралась на дерево, росшее около здания офиса Семеныча – не видно. Перепрыгнула по ветвям на другое. Выше.

«Семеныч, подойди к окну, родной мой, – попросила она. Но Семеныч сосредоточенно уткнулся в монитор компьютера. – Я скоро вернусь!»

Мгновение Катенок смотрела на него: Семеныч был так погружен в работу, что даже не пошевелился. Теперь Катенку осталось зафиксировать его образ, чтобы с легкостью потом воспроизводить.

«Как форма существования меняет сущность! – изумилась Катенок. – Я прекрасно могу чувствовать Семеныча на любом расстоянии. И любить я его могу просто так. Любовь – это же мое чувство? Или оно только от того, что Семеныч рядом? Или я могла чувствовать Семеныча на любом расстоянии? Но, будучи в физическом теле, почему мне обязательно нужно его физи-

ческое присутствие рядом? Почему мне необходимо видеть его глаза, ощущать его настроение, желание коснуться его руки? А долго не видя его, я страдаю. Что-то угнетает. Раньше такого никогда не было. До кошки. Наверное, это потому, что энергия теперь слишком сосредоточена и ограничена, и она чувствует единение через непосредственный контакт. На земле все очень отдельные. А чувства вызывают другие предметы или объекты, которые порождают зависимость. Зависимость быть ближе к близкому, и быть дальше от далекого. Соединиться с приятным и отдаляться от неприятного. Это не чувства даже, а металлические цепи: тяжелые и неудобные».

Семеныч оторвался от экрана через миг, неясно почувствовав тревогу. Как будто в сердце у него образовалась дырка, в которую постепенно стала вытекать жизненная энергия...

* * *

Вечером Семеныч не обнаружил Катенка ни на стоянке, ни во дворе, ни возле подъезда. Он долго ждал в тот вечер. Обошел квартал несколько раз, взяв на втором круге бутылку крепкого пива. Быстрая ходьба снимала напряжение, которое неизменно восстанавливалось, когда Семеныч поворачивал к дому.

...Вроде и беспокойства, как такового, не было в следующие дни – не как в тот раз, когда она пропала. Но человеческий разум – наиглупейший затемнитель, нагонял как тучи, прилипчивые мысли, и все они сводились к одной: «Где она? Что случилось?».

Семеныч поначалу недоумевал, почему он ждет кошку и ищет ее. Потом разозлился и успокоился. Человек привыкает к отсутствию радости, к появлению грусти – он, впрочем, ко всему относительно скоро привыкает. Это защитная реакция, стабилизатор – привычка – нейтрализует все. И боль. И счастье.

У Катенка не было времени почувствовать тягостные ощущения от разлуки с Семенычем и осознать их. У нее вообще ни на какие мысли и ощущения, не имевшие отношения к делу, не оставалось сил.

...Детей срочно пристраивали к родным и близким, подтолкнув комиссию по чрезвычайным происшествиям к принятию решения о выплате хорошей материальной компенсации и выделению жилплощади в столице. Тут же у каждого ребенка обнаружилось достаточное количество родственников, среди которых можно было выбрать наименее худших.

Со стариками оказалось проще, чем думалось: одной подарили через органы социальной защиты ремонт в квартире, и та загорелась со своей дотошностью к любым процессам и увлеклась ремонтом; другому подкинули мысль о том, что долгожданная беременность старшей дочери это переселение души умершего сына; третий встретил уже немолодого человека с паспортными данными, совпадающими по датам и инициалам с его романом юности, конечно же это было случайное совпадение, но одному так хотелось иметь сына, а второму, росшему в детдоме, отца...

Оставалась одна безутешная невеста, у которой на пароходе погиб жених. Девушка обещала своей бедой испортить все, сила ее горя так возмущала энергетическое пространство, что вполне способна была образовать нового эгрегора. А новый эгрегор – означал, что какой-либо из существующих исчезнет. Объем энергетического пространства являлся постоянным – так думали эгрегоры. Новый эгрегор, к тому же, всегда риск: никто не знает, каким по мощности он может вырасти и кого из эгрегоров уничтожить, присоединив к себе.

Подсовывали ей женихов – бесполезно. Высокооплачиваемая и интересная работа тоже не помогла. Катенок уже начинала злиться: знала бы эта «невеста», что делал ее жених на теплоходе, замучилась бы отплевываться от мыслей о нем. Он и был тем самым помощником капитана, развлекающимся с девицей в каюте. Выход нашелся с самой неожиданной стороны.

Бродячая собака с перебитыми лапами – удачно сработало. В итоге у собаки дом и хозяйка. А у девушки – теперь куча забот о несчастном любимце и объект для нерастраченной любви.

* * *

Сумасшедшие дни закончились.

– Я все равно не думаю, что Хозяин ничего не узнает. Смешно и наивно полагать, что можно переокрасить черное белым, – вздохнул эгрегор.

Катенок промолчала. Силы ее были на исходе. Слишком много энергии пришлось потратить. Гораздо больше, чем до того, когда Катенок спустилась в «мир людей». Огромными усилиями Катенок пыталась концентрироваться до нужного предела. Часть возможностей, которыми она обладала раньше, казалась безвозвратно утерянной, но это ничуть не смущало Катенку. И на предложение эгрегоров вернуться она вновь ответила уверенным отказом. Она чувствовала, что физический мир ею еще не познан до конца. До обычного конца, когда все становится предсказуемым и известным. И Катенку снова станет скучно.

– Не в этом дело, – сообщил другой эгрегор. Тот, который считал виновным себя в гибели людей. – Если человек станет счастливее после, чем до несчастного случая, то это не наказывает. Это считается обычной перестановкой. Рокировкой.

«Впервые слышу. Что это за правило?» – поразмыслила Катенок.

– Я так думаю.

«А разве Хозяин кого-то хоть раз наказывал?» – поинтересовалась она.

– Причем здесь Хозяин? Это делают более крупные и мощные эгрегоры.

«Ммм...», – загадочно улыбнулась Катенок.

* * *

«Домой!» – к середине дня Катенок оказалась в родном городе. Сразу направилась к офису Семеныча. Трудно передать чувства, охватывающие до дрожи каждую клетку души при желанном возвращении. Любимым кажется всякое здание, мимо которого бежишь сломя голову, очередной светофор на дороге, холодные осенние лужи... – абсолютно все радует глаза и сердце.

Теплый капот автомобиля означал то, что Семеныч в обед куда-то ездил. Пренебрегая приличиями, Катенок томно развалилась на поверхности капота. Вытянула уставшие лапы и, подставив бок солнечным лучам, обессиленно провалилась в забытие.

Проснулась она, вернее, внезапно вздрогнула, когда почувствовала пронзительный взгляд на себе.

Семеныч стоял около машины и смотрел на Катенку. С обидой и злостью. Без обычной нежности, снисходительности, любви и теплоты. Его светлые глаза в тот момент потемнели.

Катенок неловко приподнялась, села, не зная, куда деваться от стыда.

...Это Катенку так показалось, что во взгляде Семеныча не было любви. Любовь пожирала Семеныча и полностью меняла его сущность. Любовь к Катенку у него уже проявлялась во всем. А во взгляде была, конечно, и обида, и злость. Так любовь Семеныча выражала свою боль и непонимание...

Катенок виновато переступая лапами, переминалась около двери.

Семеныч, выждав пару секунд, все-таки распахнул ее. Катенок с готовностью прыгнула на сиденье.

* * *

– Где ты была? – спросил Семеныч за ужином.

«Так, дела всякие», – невозмутимо отозвалась Катенок.

– Какие, к черту, у тебя дела? – взорвался Семеныч.

«А у тебя какие? – вопросом на вопрос ответила Катенок. – И у меня такие же».

– Ты будешь отвечать или нет?! – Семеныча это чрезвычайно задело. Это насмешливое: «А у тебя какие?» Ему, человеку, так небрежно бросает кошка. В наглой уверенности она равняет себя с ним.

«Нет!»

– Слезай быстро со стола, – приказал Семеныч. – Распоясалась совсем. Из тарелок ест и наглеет. Из мисок ешь. Знать будешь свое место.

«А ты-то свое знаешь?»

Семеныч нервно отложил вилку в сторону.

Катенок вытянула передние лапы вперед, положила на них голову и, подползая, придвинулась к Семенычу.

«Извини меня?»

Семеныч оперся подбородком о ладонь и задумчиво смотрел на движения Катенка. Сердиться на нее дольше нескольких минут – никогда не получалось. Но и выводить из себя Семеныча, она научилась блестяще.

Поначалу он относился к Катенку, как к маленькому живому существу. Так относятся скорее к детям, нежели чем к домашним питомцам. Первое время Семеныч пытался о ней заботиться, но Катенок часто вела себя слишком независимо, и казалось, все, что ей нужно – это рука Семеныча. Ни еда, ни тепло, ни любовь – только его ладонь, всецело ей принадлежащая. Кроме всего, были и еще некоторые странности в поведении Катенка. Она задумывалась, глаза ее в такие моменты расширялись и будто мутнели. Если Семеныч ее звал, она не реагировала. Через некоторое время, остановив невидящий взгляд на Семеныче, трясла головой. Семеныч иногда думал, что это что-то нервное, но понаблюдав, сделал другое предположение: Катенок точно силилась что-то вспомнить, что-то проанализировать, сопоставить. Ему было любопытно, что может помнить, кошка или о чем она думает, но Катенок говорила то, что хотела. В общем, просто на кошку Катенок, по мнению Семеныча, определенно, не походила.

«Семеныч?» – напомнила она о себе. Катенок уже подползла ближе, дотронувшись носом до ладони Семеныча.

Он встал и налил себе воды из-под крана.

– Хочешь пить? – неожиданно спросил он с задором и обернулся. Затем достал заваливающую соломинку из выдвижного ящика. – Смотри, я тебя сейчас научу.

Катенок с изумлением уставилась на трубочку и стакан воды.

– В себя. Как вдыхаешь, только ртом, – Семеныч загнул соломинку. – Попробуй.

Катенок недоверчиво и робко потянулась к соломинке.

– Зубами зажми, – хохотал Семеныч, помогая Катенку удержать соломинку. – Получилось? Вот, молодец. Курят также. Только воздух втягивают.

«Семеныч!»

– Что? – вытирая салфеткой пролившуюся воду на столе, спросил он.

«Я не уйду больше. Не пропаду».

– Будь любезна. Или предупреждай, – миролюбиво согласился Семеныч.

В безмолвной ночи не было слышно дыхания Семеныча. Он не спал. Не спала и Катенок.

– А ты кто, вообще? – поинтересовался Семеныч.

«А ты?»

– Я человек.

«А я, тогда, кошка», – важно ответила Катенок.

– А если без «тогда»?

«Без «тогда», ты – не человек».

– Мы так и будем разговаривать?

«Так и будем, – Катенок высунулась из-под одеяла и по груди Семеныча перебралась на другую подушку. – Расскажи мне что-нибудь лучше».

– Не знаю я ничего.

«Не знаешь – выдумай и расскажи».

– Слезай с этой подушки. Шерсть везде. Неужели нельзя на одной спать?

«Неужели нельзя с одной спать?» – возмущенно передразнила его Катенок, изменив предлог.

– Тьфу, еще я это с тобой обсуждать буду, – рассердился Семеныч. – Тебя это никак не касается. Ты же кошка!

Катенок демонстративно слезла с подушки, и собралась было идти на другой край постели, к ногам Семеныча.

– Вот там и спи, – подначил ее Семеныч.

Катенок аккуратно дошла до края, согнула лапы, плавно опускаясь на живот. Семеныч почувствовал ступнями ее теплое тело. А следом – пронзительную боль от прикушенного мизинца на ноге.

– Вот, зараза!

«Кошка, Семеныч. Кошка, – Катенок моментально очутилась уже на подушке, вытаптывая лапами себе углубление. – А хорошо, что мы нашлись, да?»

– Да, – просовывая под нее свою ладонь и переворачиваясь на бок, сказал Семеныч. – Не исчезай больше. Мне неуютно было и беспокойно за тебя. Представь, если бы пропал я?

«Я со двора больше ни шагу!» – пообещала Катенок.

* * *

Эпизод с неожиданным и долгим отсутствием Катенка вскоре забылся. Однако, прошлое имеет свойство возвращаться, а иногда и настойчиво приходит все чаще и чаще.

По утрам Катенок уходила порой раньше Семеныча. Будила его на рассвете и требовательно бежала в коридор, ожидая, когда Семеныч откроет ей дверь. Но вечером Катенок неизменно оказывалась во дворе и встречала его на углу дома...

Но что-то изменилось в их необычной привязанности друг к другу. Семеныч твердо почувствовал себя главным в жизни Катенка. В те вечерние часы, которые они проводили вместе – Катенок предупреждала любое его движение, сопровождая внимательными, полными восхищения, глазенками. Он грустил – и Катенок смешно тыкалась головой в его бок, то ли ласково мурлыча, то ли грозно рыча. Смеялся – и она весело кувыркалась на его ногах. Засыпал – Катенок прижималась к его телу и не двигалась. Брился – она убегала на кухню с его зубной щеткой в зубах со скоростью света и успевала выплюнуть ее в мусорное ведро до того момента, пока Семеныч обнаружит, что щетки нет. Ругался – и Катенок, прячась, спешно проскальзывала под покрывало и одеяло в спальне, забиралась под подушку, не шевелилась и не высовывалась до тех пор, пока сам Семеныч не доставал ее оттуда. Смотрел телевизор – она сидела рядом и иногда, наклонив пушистую мордашку, оборачивалась, обжигая его неестественным, но удивительно теплым взглядом, от которого пронизывало тело Семеныча невообразимым теплом.

Нередко и спорили. По любому поводу. Семеныч вспыхивал как порох, Катенок не оставалась в долгу, а доказательства и аргументы своей точки зрения она умела приводить лучше

любого человека. После этого следовало злостное обоюдное молчание. До первого движения или взгляда в сторону друг друга – когда все остальное, кроме их необычного союза теряло смысл. Свысока и небрежно признавали правоту друг друга, иногда извинялись, и, спустя некоторое время, все повторялось снова...

* * *

Катенок совсем не рассчитывала на то, что переместившись в тело кошки, она со временем обретет свое почти прежнее состояние. И ее сознание к ней вернется почти в полном объеме. Как оказалось – форма сосуда никак не повлияла на содержание, она лишь немного ограничила его...

Те из эгрегоров, что намеренно скрывались в любом земном существе, либо никогда после не возвращались, либо теряли себя окончательно, либо их уничтожали – но факт оставался фактом – то, что с ними происходило потом – было тайной, покрытой, если не мраком, то домыслами остальных эгрегоров...

Катенок не скрывалась – она сбежала от скуки, из любопытства, ввиду неприятия себя или без видимой причины, то есть просто так. Первые месяцы Катенок действительно видела и узнавала мир глазами обычного котенка. Но позже ей это совсем не пригодилось: ни отличный нюх, ни ночное зрение, ни чувствительность людей, животных и их энергетики – все это не стоило и миллиардной доли того, что умела и знала Катенок ранее.

А потом все стало как всегда...

Только немного сложнее. В мире людей все оказалось гораздо примитивнее, глупее и грубее. Но, пока, интереснее.

Люди, в сравнении с эгрегорами, были визгливыми «рупорами» собственных мыслей, которых было невозможно заткнуть, понять или успокоить. Людей оказалось слишком много, и каждому из них что-то срочно требовалось. Они были не так разумны, как казались с первого взгляда.словно дети. Но хуже. Взрослые гораздо хуже детей, извращенной в своих желаниях и испорчены жизнью или самими собой. Они все время просили и жаловались. Катенок еще не встретила ни одного самостоятельного, цельного и удовлетворенного жизнью человека.

У Котенка начался сложный период. Трудный, подчас невыносимый физически и плохо переносимый психологически.

Семеныч не раз стал замечать, как Катенок урча и постанывая, пробует зарыться головой под подушку или в стык между сиденьем и диванной спинкой, будто у нее сильно болит голова. После своеобразных «приступов», Катенок выглядела растерянной и беспомощной. Перебиралась к Семенычу на ноги и, притихнув между них, смотрела в никуда. Она стала меньше есть, меньше «говорить», все больше любила тишину, загоняя пульт от телевизора под диван. «Что-то происходит?» – спрашивал Семеныч. «Все в порядке», – следовал неизменный ответ.

Покою Катенок больше не узнала: непрекращающиеся стоны людей в голове, шум их негодования в ушах и зрительные галлюцинации. Катенок чувствовала все на себе: боль, тоску, голод, зависть, недовольство. Но быть человеком и чувствовать это от собственного единичного экземпляра – это одно, а ощущать себя единым сборищем таких представителей – многократно некомфортнее.

Так, через людей, сознание Котенка сначала расплылось, потом концентрировалось и возвращалось к центру своего энергетического образования, которое сейчас находилось в теле кошки. Котенку казалось, что ее скоро просто разорвет на части.

Катенок пыталась поначалу бороться – то есть пробовала разгрести эту кучу эмоций, чувств, желаний, чтобы они не уничтожили ее саму. Она чувствовала все на всех доступных уровнях – головные непрекращающиеся боли, упадок сил, депрессивное неприятие мира, агрессию, желание уйти и отсюда... – только поэтому Катенок что-то делала. Во время про-

цесса «сотрудничества» с людьми ей было легче, и она немного отвлекалась. Боль проходила на время. Но возвращалась снова.

Катенок понимала всю бесполезность этого процесса, всю его никчемность и ненужность. Она посчитала, что людям лучше бы было: жить сегодняшним днем или не жить вовсе.

«Но счастье без будущего – несчастье. Также как и беда без будущего – не беда. Получается, что всё, не имеющее продолжения – всего лишь точка. Стоит ли о ней беспокоиться?» – раздумывала Катенок.

Присматривалась и прислушивалась к зудящему, как рана, пространству, и старалась сделать все от нее зависящее: «Накричал на жену – забудь ключи дома и мерзни около дома добрые пару часов. Нагрубил нижестоящему по служебной лестнице – застрянь в лифте и подумай о том, что работа лифтеров также необходима, как и президента банка. Осудил кого-то – порадуйся испорченным продуктам и бессонной ночи в туалете. Пожадничал – бесполезная трата не за горами...»

Первое время бежала к сильному источнику возмущения – церкви, и слушала. Никакой благодати Катенок в храме не чувствовала. Но желания людей там были более конкретные и оформленные, а значит, и более слышимые.

...Женщина с угрозой выкидыша на маленьком сроке ждет ребенка и отчаянно просит доносить его здоровым. Смотрит Катенок ребенка, а он – будущий убийца, подлейшее существо. Кроме горя матери и обществу ничего не принесет, а мать слезно умоляет за его здоровье и жизнь, еще нерожденную жизнь. Мать – женщина хорошая, существо жизненно стабильное и положительное. Катенок, несколько не сомневаясь, принимает решение – не быть этому ребенку – уродливой, больной души, случайно очутившейся в теле человека. Лучше бы этой душе было бы родиться в теле крысы, считает Катенок и начинает работать – мешают. Рядом возникает наисветлейший хранитель: «Не трожь, не распоряжайся душами, которые не ты вложила в тела».

«Молчи, глупый «ангел», я сильнее тебя, я умнее. Души попадают в тела часто также случайно, как если бы их вкладывал человек. И совсем не туда, где их место. Они портят себя и окружающих. Нельзя быть сплошной добротой и любви, она может породить такое зло, которое убьет своего родителя», – трудно быть хирургом Катенку в такие моменты, но не отрезать гангренозную часть нельзя: сгниет еще больше.

Вот дальше, ребенок – инвалид. Физически и психически неполноценный. Генное заболевание. Мать стоит, молится о здоровье и выздоровлении.

«Очнись, мать! Чудес не будет. Ну, есть они, но не в такой же степени! Опять недосмотр при его зачатии и вкладывания души растения в заведомо негодное для жизни человеческое тело. Что же они там наверху, то ли слепы, то ли пьяны? – раздумывает Катенок. Слишком тяжелы их последствия. Тут проще, и высшего существа рядом нет, негоже ему на такое время тратить – ускакал уже куда подальше, как увидел, что получилось. Катенок смотрит линию жизни: мать уходит рано, а ребенок не доживает и до двадцати. Чахнет в своем инвалидном кресле на седьмой день в закрытой квартире. – Ну и ну. Не лучше ли избавить его от ожидания такого «конца» раньше?»

Старуха просит снижения квартплаты и доброй смерти. Старуха «черная», всю жизнь в зависти и подлости прожила. Дети хорошие у нее, помогают. «Живи старуха, помирай своей смертью, не буду тебя трогать. А квартплату повысят, и соседи зальют тебя сверху, чтобы обои отошли, и твой белый потолок в желтых разводах действовал тебе на нервы каждую ночь», – вредничает Катенок.

Мужчина, убитый горем: потерял любимую женщину. Ничего не просит. Что просить-то, коли уже отняли? Отняли случайно, зацепив с кем-то. Стоит в горе мужик, ожидая успокоения. Жалко его, до слез жалко. «А что было бы, останься она в живых? Посмотрим, – Катенку не составляет труда увидеть предполагаемые судьбы. – Ничего хорошего. Прекрасная работа.

Деньги, женщины, алчность, зависть, жадность. Что ж, женщину твою избавили от лишних страданий, а тебя – от гибели души».

Мальчишка топчется у порога в рваных ботинках. Погреться зашел. Денег просит. Несчастный ребенок из рядовой семьи алкоголиков. Вырастет – быстро в гору пойдет, за любую работу возьмется, чтобы кров занять. Будет и жилье, и деньги, и дело любимое. Правда, с семьей не повезет. Жена – гулящая. Но дети – хорошие, отрадой будут. В них и счастье свое найдет. «Будут тебе деньги! Иди в булочную магазин через две улицы, понадейся оброненный кусок найти, там бумажник под ящиком. Иди, мальчишка! Его богатый дядька уронил. Там визитка. И денег много. Позвонишь по номеру – найдешь себе покровителя. Не позвонишь – на год тебе хватит», – улыбается Катенок.

... Вот и еще один напряженный день пролетел. Устала Катенок не от того, что сделала, а от бессмысленной и нескончаемой рутины.

Катенок прекрасно понимала, что помощь единицам лишь поглощает и убивает ее саму, бесполезно расходуя драгоценную энергию. Но закрыться от всего – не получалось. Скорее всего, посчитала она, что с переходом в тело кошки, как земного физического существа, тонкий, ее собственный, идеальный мир треснул или ослабился. И сквозь него стали проникать человеческие души, их сознания, то есть течь чужая энергия. Катенок, неожиданно для себя, стала нервной клеткой большой человеческой массы.

«К Семенычу!» – бежит Катенок по городу, не придумав еще, как остановить обрушившуюся на нее лавину чужих эмоций и желаний. Стремление очутиться в нежных, любимых руках Семеныча побеждает все. Его ладонь иллюзией создает защиту от физического мира. Его любовь делает головную боль терпимее, скуку превращает в спокойствие, тоску позволяет не замечать, а треснувшую душевную оболочку восстанавливает.

Но внезапно Катенок останавливается. Что-то в пространстве меняется, как предгрозовая туча заслоняет небо. Катенок напрягается: утренняя беременная женщина из церкви находится в больнице после случайного падения на тротуаре. Ей в ноги бросилась кошка, неожиданность и наледь на асфальте свое дело сделали. Но женщине сохранили плод и остановили кровотечение.

«Да что же это такое?! – возмущается Катенок, а лапы безвольно поворачивают к больнице. – Кто-то пошел за женщиной и помог. Оставить все как есть, пусть этот «кто-то» потом очаровывается своим подопечным? Нет, надо. Не попасть сегодня вовремя домой».

Катенок не стала церемониться и внушать надежду на другого ребенка, которого никогда не будет. И в больнице, как и в церкви – тяжелая липкая от чувств атмосфера, от которой сразу не отряхнешься. Кто-то плачет, кто-то боится, кто-то руки наложить на себя хочет, еще и хирург на дежурстве пьяный. Пока в каждую голову влезешь и перенаправишь мысли – с ума можно сойти...

Во время процесса «работы» с людьми Катенку необходимо было быть ближе к источнику возмущения, вероятно, сказывалась физическая форма настоящего существования. Но большей трудностью оказывалось оставить свое кошачье тело, а потом его найти. Покинутый на доли секунды из каждой секунды кошачий организм мог попасть под машину, прищемиться дверьми, кинуться на человека, спуститься в метро или, хуже того, мог быть разодранным собакой. Животного, лишённого разума и инстинктов, на каждом шагу подстерегали смертельные опасности. Несколько раз Катенок пробовала не спать ночами, чтоб днем спокойно «оставить себя» спать в подвале одного из старых домов. После того как мальчишки, обнаружив спящую кошку и долго потешаясь, кидали в нее камни, от этой идеи пришлось отказаться. На крышах от людей укрыться было можно, но Катенок могла упасть, потому что в моменты «отсутствия» не видела и не слышала практически ничего. Несмотря на то, что в кошке Катенок практически была, мгновенно перемещая свою энергию в нужное место и обратно, «быть» полноценной

кошкой до полного завершения «процесса» она не могла. А безопасных мест в городе оказалось мало.

Оставаться в квартире Семеныча, Катенок в такое время не хотела, чтобы не беспокоить его своим полубезумным состоянием. К тому же, Катенок не исключала возможности, что кошка могла и наброситься на него, а сонная артерия у людей такая тонкая...

* * *

Осень незаметно встретила с зимой. Город побелел от снега. Воздух к вечеру сковывался холодом, заставляя сжиматься ноздри. Земля немела от мороза и покрывалась коркой льда на тротуарах, от которой древенели подушечки на лапках. Во двор Катенок попала только после полуночи.

В родных окнах слабое голубое мерцание – работает телевизор.

«Не спит. Семеныч! Погляди в окно, вот я!» – Катенок видит его силуэт, тотчас возникший у окна, будто Семеныч слышал ее.

Его равнодушный взгляд на Катенка. Отводит глаза, словно не замечает, как топчется у подъезда Катенок.

...Вечером Семеныч не торопился домой. Накануне он познакомился с прехорошенькой девушкой. Приятная беседа в ресторане, шуточный диалог, ее тонкое кокетство привели к тому, что они договорились о новой встрече. Все прошло бы по обычному и приятному сценарию, но девушка перезвонила ближе к вечеру. Деловым тоном объявила сумму, которую она хочет получить за встречу; назвала гостиницу, которая ее устроит; озвучила напитки, которые она предпочитает. Легкие закуски она настоятельно рекомендовала заказать из определенного ресторана. Семеныч, в это время выбиравший букет, вмиг остыл: все очарование вечера разлетелось как пыль. Выйдя из магазина, Семеныч выкинул цветы в урну. Настроение его окончательно упало. Он бы и сам не обделил девушку ни вниманием, ни атрибутами вечера, но выслушивать перечень условий, и уж тем более выполнять их, Семенычу определенно не хотелось.

Днем его компания проиграла тендер, и данное обстоятельство тоже внесло свою лепту в раздраженное состояние Семеныча. Он припарковался на стоянке и быстрым шагом передвигался к дому. Возле подъезда обнаружил, что его не встречает Катенок.

Отсутствие Катенка, казалось, переполнило всю чашу оставшегося терпения Семеныча. Ему было, в принципе, наплевать на то, что его кошка не оказалась там, где она должна была бы быть. Но Семенычу было не наплевать на то, что он сегодня ожидал... Кошку! Обыкновенную кошку! Которой можно все рассказать, на которую можно смотреть, с которой уютно молчать, с которой можно даже спорить...

Будто именно Катенок давала ему недостающую энергию, делала мир полноценным и успокаивала пространство одним своим присутствием. Эта зависимость Семеныча невероятно взбесила, как только смутной догадкой проникла в его разум...

«Вот и сиди на улице, раз тебе там интереснее, – в сердцах сказал Семеныч, задернув шторы. – Ешь на моем столе, спишь на моей подушке, днем тебя где-то носит, утром ни свет, ни заря извольте королеве дверь открыть. Не нагулялась за четырнадцать часов? Совсем себя человеком почувствовала?»

Гаснут окна. Чьи-то запоздалые шаги торопятся к подъезду. Катенок отступила: сейчас откроется дверь и можно будет проскочить в подъезд, поскребтись в дверь квартиры или, на худой конец, переночевать в подъезде около теплой батареи. Но желание идти домой растворилось и исчезло. Катенок делает еще шаг назад и поворачивает к дереву.

Свернулась на толстой ветке, уткнулась в шерсть, грея холодный нос.

«Зачем он так? – в душе стало тихо, а в глазах защипало. – А, ерунда. Это снег попал. Всего лишь снег. Белый и холодный. Как Семеныч сегодня».

Катенок чувствует холод сначала с кончиков лап, а потом и во всем теле. Холод подбирается к самому сердцу. Мерзлая жесткая ветка неприятно ощущается животом, шерсть от падающего снега слипается у основания на коже, в уголках глаз застыли маленькие льдинки. Не хочется спать Катенку, не хочется есть. Она лежит и смотрит на искрящуюся крупу, которая сыплется с неба в свете тусклого фонаря.

Незнакомое чувство охватило Катенка. У него нет видимости, нет ощущения, оно черное и пустое.

* * *

Утро пришло в той же темноте неба, что и ночь.

Семеныч появился. Поежился от холода, достал сигареты. Заметил пушистое, седое от заиндеветого снега облако на ветке, которое смотрело на него. Встретились взглядами. Глаза соприкоснулись. Души вздрогнули. Глаза опустились.

Семеныч уходит дальше. Угол, поворот. Тот поворот, который их разлучал раньше на время. Где-то далеко хлопает дверь машины, но Катенок слышит звук отчетливо. Нехотя просыпается двигатель его автомобиля и монотонно начинает ворчать. Катенок и это слышит. Сейчас все пространство, весь мир состояли только из того, что делает Семеныч: снимает одну перчатку, достает телефон и смотрит пришедшее сообщение, счищает щеткой снег с лобового стекла, постукивает дворниками, стряхивая с них намерзшие куски. Садится в машину. Неторопливо уезжает. Удивительно, но на дороге много машин в утренней суете, а Катенок слышит только одну. В городе больше миллиона человек, а Катенок чувствует сейчас только одного.

Обыкновенное утро обыкновенного дня во вселенной. Катенок не понимает, в чем дело: почему вдруг все оглохло и ослепло, и сжимается до точки, которая находится где-то внутри?

«Что происходит с нами, Семеныч? То же, что и со всеми? Нет желания понять, которое толкало раньше друг к другу? Нет желания быть вместе? Стерлось то ощущение потрясающего комфорта – быть рядом? Стало привычно? Неужели так всегда было, и так всегда будет? Когда восторг сменяется холодом, как день ночью», – Катенок не знает ответов. Это первый страшный холод в ее жизни, первая зима в ее любви.

Она и не заметила, как Семеныч проник в ее душу. Не понимала, что она на данный момент – простая земная кошка. Не знала, что существует огромное чувство, как единый мир, который гармоничным делает только любовь.

Подкралось неясное ощущение, что оставаясь кошкой рядом с Семенычем, Катенок делает что-то не так, словно что-то теряет.

Катенок поняла, что голоса, галлюцинации, эхо, шум – все, что до этого на нее обрушилось от людей и неприятно истязало – внезапно отступило, потеснилось и исчезло за одну ночь.

* * *

Мир эгрегоров, то есть, энергоинформационных сущностей, откуда ушла Катенок, был другим.

Катенок еще не понимала, выше он или ниже земного, где она оказалась сейчас. Слишком быстро все происходило. Сначала Катенок проникла в физическое тело пушистого комка и познавала мир исключительно с возможностями обыкновенного котенка. Катенок не знала, что произошло с так называемой душой самого котенка. То ли Катенок подавила его, взрослея, то есть присоединила к своей энергетической сущности, то ли котенок «умер», то есть его душа преобразовалась в нечто иное, а Катенок вовремя подросла к маленькому тельцу, физическому организму, которое еще могло возобновить свою жизнь.

А дальше на Катенка выплеснулся мир людей. Она их понимала, смогла видеть их прошлое и наиболее вероятное будущее, могла корректировать их мысли, соответственно и поступки. Словно люди внезапно стали прозрачными проекциями на координатной оси.

Все люди, кроме Семеныча. Его сознание Катенка никогда не беспокоило. Ей ни разу и в голову не пришло узнать, что хочет Семеныч, как он жил, и как будет жить дальше. Семеныч не был для Катенка человеком. Он стал ее любовью, ее миром – которые не разбирают на кусочки, чтобы не потерять ни кванта этого чуда.

Земной мир в эту ночь закрылся и перестал досаждать. Катенок посчитала, что ее собственная разодранная оболочка наконец восстановилась, разрушенная недавним перемещением из одного мира в другой.

Она признала, что люди чувствуют все гораздо острее, чем эгрегоры. Ей пришлось ощутить это на «собственной шкуре». Эгрегоры по «мукам душевным» не шли ни в какое сравнение с сущностями земного мира, которые могли этим самым себя изводить, уничтожать, изъедать. И это Катенку казалось странным. Хотя, она объяснила себе такое явление несовершенства людей ограниченностью материальной оболочки, которая не выпускает энергию: поэтому и чувства у них были еще грубее, неотесаннее, сильнее, как нечто, вроде концентрата.

Катенку показалось, что она нашла одно из значительных отличий мира людей и мира эгрегоров. В последнем отсутствовала любовь. А в первом ее было недостаточно. И люди не могли догадаться, какой ценностью обладает их мир, потому что они не понимали, не чувствовали себе подобных, как эгрегоры. Люди контактировали словами и поведением, эгрегоры – своей душой, для которой не существует лжи, нет препятствий ни во времени, ни в пространстве. У Катенка возникла сумасшедшая идея: соединить эти миры, для того, чтобы эгрегоры смогли чувствовать, а у людей появились сверхъестественные способности, для того, чтобы смешением человека и эгрегора – получился более совершенный вид формы жизни, новая ступенька в развитии души на бесконечной лестнице...

* * *

Возникшее чувство к человеку, мужчине, Семенычу – застало Катенка врасплох и ввело в недоумение. С одной стороны для нее оказалось радостью и открытием – новые тактильные ощущения и появившиеся эмоции, которые иной раз были верхом блаженства и умиротворения, с другой стороны – прошедшая ночь, сумасшедшее одиночество и боль – говорили о том, что дальше так продолжаться не может.

«Люблю его, – вновь вернулась Катенок к своему состоянию. – А дальше что? Мурлыкать от удовольствия в его руках? Естественно, мы можем каким-то образом общаться, и это также приятно. Смеяться, спорить – быть рядом с ним. Могу вернуться назад, но тогда и это исчезнет. Не исключаю, что и мои чувства пропадут, и опять начнется нейтральное существование. А мне уже не хочется терять возможность чувствовать то, что чувствует человек или животное. Все-таки это интересно. Или мне не хочется терять Семеныча? А что значит «терять»? Он-то, относится ко мне как к кошке! Он не может любить меня так, как люблю его я!».

Ошеломленная последней мыслью, Катенок встрепенулась, еще не придумав – свыкнуться с ней, принять или отвергнуть. Когти произвольно вонзились в замерзшую кору дерева.

«Не любит!» – ухнуло опять ее сердце.

...Но ошибалась Катенок. Была любовь. И очень сильная. Но не слышала ее Катенок. Не воспринимала и не понимала, что любовь есть. И от этого непонимания ее мысли материализовывались в многочисленные психологические ледяные стрелы, которые вонзались прямо в сердце Семеныча. Сама того не понимая, любя и тревожась за свою любовь, Катенок медленно убивала его...

Она посмотрела в ту сторону, куда несколько минут назад ушел Семеныч.

Нет, Катенок не отдаст свою любовь. Катенок сделает все возможное, чтобы любовь не ушла. Если можно еще хоть что-нибудь спасти, она спасет.

Спрыгнув с дерева на негнущиеся от холода лапы, она помчалась. Она бежала быстро, пульс стучал в висках, дыхание становилось сухим и жарким.

Катенок летела по сугробам, по скользкой дороге, мимо машин на перекрестках, мимо домов, которые проносились сбоку, сливаясь в одну линию.

Она бежала из последних сил, будучи без сна и еды второй день, но силы еще были. Их давала любовь. Их давал страх потерять ее.

* * *

Семеныч очнулся, припарковавшись у здания офиса. Он, не заметив, проехал мимо фитнес-центра, где качался по утрам. Взглянув на время, выругался, но ехать обратно – желания не возникло.

Гнетущее чувство огромной тревоги и опустошенности одновременно заполнило весь его разум. Естественно, он не мог предположить, что происходит с ним. И никакие мысли о любви в его голову не приходили – это было бы слишком абсурдно и нелепо с точки зрения человеческой логики.

У него были женщины. И кошка когда-то была. У него была нормальная человеческая жизнь: дом, работа, дача, родные, знакомые, друзья. Только чувств таких еще не было, и необычного состояния, которое постепенно возникало и нарастало с появлением странного маленького пушистого котенка.

Семеныч не мог совладать с собой, не мог объяснить себе перемены в настроении. Но очень хотел сбросить это наваждение, как пыльный, тяжелый и неудобный полушубок.

Если раньше Катенок веселила его, забавляла, завораживала и вообще казалась пришедшей из другого мира – волшебством, то сейчас он ощущал сильнейшее раздражение, злость, досаду, неудовлетворенность, и, конечно же, не понимал, с чем это связано. Поэтому чувствовал себя еще хуже.

«Апатия. От недостатка солнечных лучей. Над Москвой вечное серое небо. Оно и вгоняет в тоску, как в гроб, – решил он. – Да и жизнь такая же. Серая, скучная».

С разбегу вспрыгнув на капот, Катенок замерла. Взгляд Семеныча был устремлен на панель приборов. Медленно перевел он его на лобовое стекло машины.

Они не двигались и долго смотрели друг на друга, пока не растаяла зима между ними.

И любовь, собравшаяся было с разочарованием и грустью уйти, вновь вернулась.

Катенок умчалась раньше, чем Семеныч вышел из автомобиля.

Она знала, что он не будет ее гладить по спине и не потреплет за ухом, как это делают обычные люди со своими домашними питомцами.

А Семеныч почувствовал, что от его плохого настроения больше не осталось ни следа, и что мир не так уж плох.

Обоим стало ясно, что все вернулось назад. Он и Она. Семеныч и Катенок. Они вместе.

По морозному небу нежно голубого цвета степенно расходились лучи поднимающегося кремowego солнца.

* * *

Наступила пора, когда необъяснимое счастье становится достаточным и полным. Исчезает страх его потерять и пропадает тревожность. Потому что все чувства, все мысли утопают в этом самом счастье, они им надежно защищены, как оплеткой для провода.

Именно в такое время приходит беда.

* * *

Катенок больше не пропадала, не задерживалась вечерами, не уходила по утрам раньше Семеныча. Людское пространство больше не проникало в нее, чему она несказанно обрадовалась. Она вела образ жизни обычной кошки, ее не беспокоили эгрегоры. О ней точно все забыли, и Катенок наслаждалась покоем.

О том, что будет дальше, она не думала. Старалась не думать, потому что слишком многое от нее прежней пропало. Как проекция шара становится примитивной окружностью и невозможно понять, чем эта окружность являлась изначально: шаром, цилиндром, так и Катенок ощущала себя. Она решила подождать, думая, что со временем все восстановится.

Земное существование, однако, незаметно для Катенка подминало ее под себя, затягивало: вкуснее становились куски мяса за ужином, приятнее – поглаживания ладоней Семеныча по ее голове, все больше раздражали голуби у помойки и подвальные крысы, вызывая непреодолимое желание охотиться на них. Память и прошлое существование все меньше тревожили, постепенно стираясь повседневной суетой.

Сознание неотвратимо обволакивалось туманом.

Дни пролетали теперь неизменно. Вечером машина Семеныча появлялась на стоянке около дома. Катенок сидела на дереве во дворе. Он шел от угла дома, и, издали завидев ее, приветствовал взглядом и улыбкой. Катенок приподнималась с излюбленного места на ветке дерева и, дождавшись момента, прыгивала Семенычу на плечо. С удовольствием вдыхала родной запах воротника его дубленки, тыкалась замерзшим носом в теплую шею. Семеныч, морщась, стаскивал ее с плеча и нес домой на руках. Кормил Катенка ужином: она так и ела с его ладони или осторожно стягивала куски с вилки. А потом они с наслаждением заваливались с айпадом на диван. Семеныч смотрел телевизор, читал новости в интернете, играл в компьютерные игры. Катенка уже мало привлекали недавно интересные занятия. Все чаще она играла со свободной рукой Семеныча или лежала на нем, иногда посматривая на экран айпада или телевизора, но фильмы все больше теперь походили на простые движущиеся картинки, не вызывающие более любопытства.

Семеныч ночью резко вскакивал с постели: то ему хотелось пить, то затекала в неудобном положении рука, то приходила в голову какая-то мысль, мешающая быстро заснуть вновь. Катенок мгновенно открывала глаза и настороженно наблюдала за ним. Будто тревожась, все ли у Семеныча хорошо. Словно никак не могла привыкнуть к тому, что он испуганно, как ей казалось, просыпается почти каждую ночь. Они шли на кухню и пили воду.

Утром он вставал рано: еще ни в одних окнах соседних домов не зажигался свет, и за окном была темнота. Он что-то начинал говорить много и сразу, точно восполнял вынужденный молчаливый промежуток сна, причем шутивно и весело, но с таким серьезным видом, отчего Катенок чувствовала себя самой счастливой...

Утро было немного напряженнее, чем вечер. Утро для Семеныча означало старт нескончаемой, бесполезной гонки на трассе под названием жизнь или работа, которая составляла более шестидесяти процентов его времени и могла бы занимать место жизни, потому что остальное время уходило на ужин и сон. Семеныч уже от подъезда мысленно вливался в перипетию его компании, и разум его наполнялся суетой, а сердце – неудовольствием. Для Катенка – каждое утро могло быть просто последним. Она не знала, не придут ли за ней опять и не вынудят ли вернуться на свое место, не навалится ли еще какая неизвестная возможность чего-либо, как недавно «человеческий мир» рухнул на нее, чуть не уничтожив ее саму и психологически, и физически. Или она в один прекрасный момент окончательно все забудет, полно-

стью превратившись в земное существо с четырьмя лапами, густой шерсткой и милой округлой мордочкой...

Катенок не знала, как сохранить эту «гармонию» с Семенычем. Что конкретно происходит с людьми и животными после смерти их тела – Катенка никогда не волновало, поэтому она в этот вопрос не вникала, а поинтересоваться в мире эгрегоров – она не решалась, поскольку остерегалась, что мир эгрегоров вернет ее назад.

И каждый день теперь для Катенка сопровождался чудовищным страхом неопределенности будущего, который все больше стал походить на неясное ощущение чего-то нехорошего, предвестника скорого несчастья.

* * *

Ранним весенним вечером, когда он еще похож на ледяную и ветреную зиму, но все знают, что это конец одной поры и начало другой, желтое солнце игриво отражалось в стеклах домов, весело поблескивало в фарах автомобилей, сверкало и переливалось в бензиновой пленке на лужах. Воздух пах растаявшим снегом и появившейся густой слякотью на тротуарах.

Катенок не стала ждать Семеныча во дворе, как обычно, а побежала к зданию офиса Семеныча, чувствуя наступающую весну не только снаружи, но и внутри. Усидеть на месте в такой прекрасный день Катенок не смогла.

Она с шумом спугнула стаю голубей, сыто воркующих около помойки, нашла подходящее дерево, откуда было видно крыльцо, и вскарабкалась на него.

Семеныч появился почти сразу, но не один. Он был с хорошей особью женского пола. Они шли к его машине. Катенок затаила дыхание, вернее, оно затаилось само, потому что в горле что-то сжалось, в голове появился гул, в глазах возникла чудовищная резь, а в животе все свернулось.

Семеныч, улыбаясь и смеясь, беспрестанно шутил. Катенок в эти мгновения вдруг перестала понимать слова. Она слышала только звук его веселого голоса.

Автомобиль Семеныча тронулся с места и уехал. Катенок, не чувствуя шевеления ни единой мысли в голове, слезла с дерева и побрела в сторону дома. Внутри все горело, точно Катенок находилось в огне.

Через пару кварталов она внезапно наткнулась на припаркованную машину Семеныча. Катенок уперлась взглядом в знакомое колесо, под которым когда-то давно пряталась от людей и дождя или ночевала, чтобы не возвращаться домой «редкими неприятными» вечерами.

Слева находилось здание гостиницы, на первом этаже которой располагался ресторан с огромными окнами. За стеклами горел свет, и с улицы весь зал ресторана был хорошо виден. Небольшие квадратные столики с белыми скатертями, стулья с высокими спинками, стойка бара с улыбочивым официантом за ней, плавное перемигивание цветных лампочек по периметру потолка.

Семеныч сидел боком к окну, женщина – спиной. На столе – бутылка вина и бокал, в который Семеныч налил красную жидкость. А у него стоял широкий бокал с толстыми стенками. В нем жидкость была темно-оранжевой. Катенку даже показалось, что она услышала этот задорный звон соприкосновения их бокалов. Подошел официант и забрал две темные папки, записал заказ.

Катенок немного отошла в сторону, чтобы поймать взгляд Семеныча, чтобы убедиться, что это обычная встреча. Катенок ждала, чтобы Семеныч увидел ее, незаметно подмигнул и пригрозил пальцем, как это бывало раньше, когда она появлялась на дереве за окнами офиса, где Семеныч проводил совещания.

Катенок смотрела на его глаза, в которых был смех, радость, лукавство и кое-что еще. То, как Семеныч никогда не смотрел на Катенку. Желание и вождление мужчины к женщине. Оно пылало такими буквами в глазах Семеныча сейчас, что и неграмотный бы обжегся.

Кошка. Женщина. Мужчина. Любовь. Двое стали лишними в этот момент времени. Катенок немедленно отступила в смятении, повернулась и пошла.

Бегом сменился ее шаг.

«Беги, Катенок, убегай прочь! Есть то, чего ты не сможешь взять или отдать. Есть то, что взяв, не сможешь сберечь. Это – мир, жестокий физический мир. Беги отсюда, Катенок. Ты не сможешь здесь находиться. Скорее!» – словно кто-то кричал Катенку, подхлестывая словами, как раскаленными прутьями, бьющими по телу.

Она помчалась. То был не бег за любовью. То был бег от нее.

* * *

Катенок не знала, что через час Семеныч останется один за столиком, покрытым бело-снежной скатертью. Периодически будет наполняться и опустошаться бокал с темно-оранжевой жидкостью, и Семеныч даже взглядом не проводит ту женщину, с которой он пришел, и которую он прогнал.

В его глазах не будет ничего, кроме алкоголя. Кроме большого количества алкоголя. И тоски. Тоски по настоящей жизни, настоящей любви, настоящему делу...

Никто не знал, как Семеныч ненавидит себя и свою жизнь. Обычную жизнь обычного человека. Как все его здесь не устраивает, как скован он нелюбимой работой, вынужденностью бессмысленного существования, которое состоит из строгого режима рабочих и выходных дней, и необходимости вечно зарабатывать на еду и предметы обихода, которые когда-нибудь, со смертью, станут ненужными.

Семеныч считал, что спасти его может любимое и интересное дело, которому он мог бы отдать всего себя, чтобы себя самого и забыть в этом деле. Сколько себя он помнил, незримая скука и малоощутимая тоска всегда неотступно следовали за ним. Почти все человеческие ценности: достойное образование, хорошая должность, крепкая и надежная семья, положение в обществе, относительно стабильное существование – не интересовали Семеныча и не принесли ему никакого удовлетворения. Все было бранным и конечным, суетливым и бесполезным в итоге...

О внутреннем состоянии Семеныча знала только Катенок, но помочь ничем не могла. По чистой ли случайности, но она, являясь незаконным вторжением в земной мир – чувствовала все абсолютно также.

Ни он, ни она не нашли своего места в своих мирах. Словно его там для них и не предполагалось.

* * *

Подозвав официанта, Семеныч достал бумажник из внутреннего кармана пиджака. Открыл папку счета и, с трудом различая номиналы, медленно извлекал купюры, которые неловко сминались его пальцами.

Затем он встал и, пошатнувшись, направился к выходу. Остановился на открытой веранде. Осмотрелся и, найдя к чему прислониться, порылся в карманах в поисках пачки сигарет.

Сигареты, вытаскиваемые из пачки, валились из его рук, ломались и падали. Наконец ему удалось прикурить.

В душе была прежняя тоска и смятение, их не затмил пьяный угар.

С неба все быстрее сыпали крупные хлопья снега, которые через некоторое время превратились в капли дождя. Семеныч посмотрел на машину, соображая, что ехать домой в таком состоянии – не лучший вариант. Но, докурив сигарету, он не стал возвращаться в отель, располагавшийся на следующих этажах, несмотря на то, что номер был оплачен до утра.

Хотелось одного: уткнуться в кошачью шерсть лицом и замереть навсегда. Семеныч запахнул пальто и двинулся в сторону дома.

* * *

Семеныч не знал, что через несколько улиц, в грязном сугробе лежит раздавленное тело мертвого Катенка, а где-то на колесе одной из машин еще вращается прилипшая кошачья шерсть, перемешанная с кровью...

Глава 2

Снегодождь шел все сильнее, а Семеныч двигался все медленнее. Внимание его было сосредоточено на том, чтобы не повалиться на тротуар вовсе: тяжело идти, когда к пьяному телу так и подбирается земля.

Он остановился и увидел свет. Свет возник не от фар автомобиля. Не от фонаря и не из окна. Свет был не от чего-то. Свет был везде. Семеныч в недоумении огляделся по сторонам.

Сквозь свет едва-едва проступали очертания домов, проходящих мимо людей, проезжающих автомобилей. Призрачные силуэты становились все менее заметными, пока не пропали совсем. Вместе с очертаниями привычного окружающего мира пропал и звук.

Вернее, звук был, но это был не привычный уличный шум. Звук был мягким, убаюкивающим, но не усыпляющим, а наоборот: звук напоминал одновременно и музыку, и шум моря, и шелест листвы, и свист ветра. И в то же время он был ни на что не похож. Звук был таким, каким и должен быть звук до того, как кто-то придумал, что звук должен быть следствием физического действия.

Свет и звук были такими, какими они являлись изначально. Такими, какими они были до того, как появился мир.

Семеныч стоял и смотрел широко открытыми глазами. Но ничего не видел. Был только свет. Семеныч также ничего не слышал. Был только звук.

Так пропал мир...

* * *

...И появился вновь.

Семеныч стоял на перекрестке, привалившись к светофору. Напротив него зажегся зеленый свет для пешеходов, и люди, утопая в придорожной каше грязного снега, засуетились и засеменяли в обе стороны. Их лица были опущены, воротники приподняты, капюшоны натянуты на головы, и придерживались руками, потому что промозглый дождь, сбивавшийся со своего направления сильным ветром, не выбирал поверхностей и бил колючими, холодными осколками по чему попало. Люди перемещались быстро, стремясь к укрытию в виде крыш автобусных остановок, навесов над витринами магазинов, козырьков подъездов...

Семеныч тяжело дышал. Вода, попадающая под расстегнутый воротник пальто, уже намочила часть пиджака и рубашки, и само пальто сделалось тяжелым и неудобным. Оторваться от столба светофора на этот сигнал у Семеныча не хватило сил.

Автомобили нетерпеливо урчали на положенной линии, их заведенные моторы сливались в один многоголосый шум дороги. Железные существа тоже, казалось, стремились как можно скорее скрыться на автостоянках, парковках или в уютных гаражах.

Рассеянный блуждающий взгляд Семеныча неожиданно замер и уперся в крайнюю машину. Стекло пассажирской двери было наполовину опущено.

На него смотрели. Неотрывно, пристально, пронизывающее. Был бы Семеныч сейчас трезв, его разделил бы пополам этот взгляд, разрезал бы, и края остались бы ровными с точностью до многих миллионных миллиметра, как от лазерного луча.

Но Семеныч был пьян, и пьян изрядно, а душа его была смята еще больше. Он глядел и не понимал, кто на него смотрит. Это была Она. Девочка, девушка, женщина.

Семеныч даже не пытался ничего сообразить. Он смог определить пол, но больше ничего: ни возраста, ни внешности, ни длины волос. Только ощущал, как сжигают его до самого сознания такие же, как у него, светлые глаза, с каким напряжением они смотрят на него.

Всё исчезло на мгновение, которое длилось безвременно вечно, как показалось Семенычу, и вечность была не более полутора минут, как показалось миру, из которого Семеныч вдруг выпал.

* * *

Он перестал ощущать себя в этом мире. Семеныч не слышал звуков, словно оглох. Он не чувствовал дождя и пронизывающе-холодного ветра, словно умер. Он не чувствовал никакого вкуса, его вдруг перестала мучить жажда. Он не чувствовал запаха весенней зимы, которыми воздух окутывал его. Он не видел и не различал сейчас ни людей, ни машин, ни домов, ни ночной темноты сверху, растворенной огнями снизу.

Исчезли все признаки мира вместе с самим миром.

Осталась одна прямая линия, начало которой было в машине, в паре Ее глаз, и конец которой упирался в его глаза.

Вечность кончилась внезапно, совпав с прекращением зеленого света для пешеходов и началом разрешающего сигнала для движения. Машины трогались, словно в замедленной съемке, и этот автомобиль тоже. Но все происходило как обычно, а не медленно, как казалось Семенычу, но казалось так реально, что он прочувствовал, как начинается любое движение ближайших одушевленных и неодушевленных трехмерных предметов.

Так возвращался мир в сознание Семеныча.

Ее взгляд так и был устремлен на Семеныча, пока это оставалось возможным. Автомобиль поравнялся с ним и торопливо слился с плотной массой машин, удаляющихся по дороге.

Мир возник полностью. Дорога шумела, мигала фигурка красного человечка на светофоре напротив, мокрая одежда давила на тело, снег пах сыростью, горло пересохло и повторно требовало обжигающего вкуса.

Зеленый свет неприятно намекнул на возможность дальнейшего движения в пространстве, тогда как Семенычу захотелось прекратить его навсегда.

Семеныч перешел дорогу, но свернул не в сторону своего квартала, а словно под гипнозом направился к яркой вывеске бара.

Он выпил еще, рассчитывая, наверное, на еще большее исчезновение всего вокруг. Но голова словно отделилась, и, при большем опьянении организма, стала лучше соображать. Дальше пить оказалось бессмысленно.

* * *

Во дворе Катенка не могло быть, но Семеныч этого не знал, поэтому фраза звучала для него иначе: во дворе Катенка не было.

– Нет? Тебя? – отрывисто выкрикнул он со злостью в пустоту двора. – И меня нет!

Семеныч вошел в квартиру, скинул на ходу вещи, упал на постель и забылся тем избавлением, которое доступно каждому, бедному ли, богатому, подлецу или праведнику – сном.

Сон, как наркотик, естественный и необходимый любому человеку. Он смягчает горе, успокаивает радость, чтобы не рвать разум и сердце, недостаток его действует как ломка, и это второе, после дыхания, без чего жизнь человека может быстро оборваться. Сон перезагружает мозг, обновляет его и помогает ему. Потом идут, вода, еда и прочее. Разница в искусственной зависимости от наркотика от естественной зависимости от сна, только в том, что сон приносит пользу, а его «передозировка» ничем не грозит.

Семеныч проспал все выходные. Его никто не будил: жена уехала к родственникам еще два дня назад, а телефон был выключен.

* * *

Когда Семеныч проснулся, то некоторое время лежал, словно вливаясь в пространство, которое на мгновение стало прозрачным. Будто что-то изменилось, не внешне, а внутренне. Восприятие, неясное ощущение мира показалось Семенычу иным. Точно заснул один человек, а проснулся совершенно другой.

Он мимолетно почувствовал, что маленького котенка, который непонятным образом вошел в жизнь Семеныча, уже нет, и больше не будет. Но тот котенок, который так сильно любил Семеныча, и которого так сильно любил сам Семеныч, не исчез. Та, любимая Семенычем, Катенок должна быть где-то совсем рядом, и стать кем-то, значительно больше подходящим для любви мужчины.

Догадки, предположения, размышления – в них, может, и есть зернышко реальности, а, может, и пустой орешек – не узнаешь, пока не расколешь.

Семеныч проснулся окончательно, и ощущение прозрачности и ясности тотчас исчезло.

* * *

Стараясь не потревожить спящую жену, которая вернулась вечером, Семеныч бесшумно взял с тумбочки айпад и телефон, вытащил сигареты из кармана одежды, уже аккуратно повешенной на вешалку, и прошел на кухню. Налил себе кофе и, включив телефон и айпад, с каждым глотком горячего напитка стал возвращаться в привычные рамки окружающей действительности.

Взглянул в окно – Катенка не видно во дворе. Посмотрел по привычке, чувствуя, что Катенка он больше не ждет. Прошло всего немного времени, а как будто Семеныч отсутствовал очень долго, и, точно, внезапно очнулся, проснулся. А всё, что было ранее – казалось сном. И Катенок. И жизнь до нее.

С последним глотком кофе Семеныч вспомнил машину на перекрестке и девушку, которая так пристально смотрела на него. Сейчас Семеныч вдруг явно увидел, что волосы у нее темные, лоб прикрывает упрямая прямая челка, глаза серо-голубые, возраст средний, одежда светлая, машина черная. Странно, что вчера Семеныч этого не заметил.

На улице мело, дуло и завывало. Недавняя каша на земле превратилась в неровные бугры наледи и тщательно укрывалась снежной крупой с неба. Семеныч приоткрыл окно и закурил на кухне. Замерцал экран стартовой страницы, означая успешное подключение к интернету.

Был двенадцатый час ночи. Скоро полночь. Ноль часов, ноль минут, ноль секунд. Это продлится секунду, и отсчет вновь пойдет дальше.

* * *

Вернее, должен был пойти дальше. По всем законам физического мира – должен. Но не пошел. Часы остановились. Все. На стене, на экране айпада, в телефоне, на дисплее микроволновой печи. Отсчета времени больше не было. Но Семеныч почему-то нисколько не удивился. Он как будто знал, что ничего необычного не произошло. Он как будто знал, что время ждало его. Время ждало, когда Семеныч позволит ему пойти дальше, и покорно стояло на месте.

А Семеныч снова воспроизвел в памяти недавнее видение. Оно сейчас было таким ярким, точно Семеныч опять стоял на перекрестке и смотрел на девушку. Только теперь он смог ее разглядеть очень детально. Ее можно было назвать красивой, но красивых девушек не так уж и мало. Что-то в ней было большее, чем красота. Что-то в ней было такое, что напоми-

нало Семенычу его собственную жизнь. Даже не саму жизнь, а... Образ девушки совершенно необъяснимым образом напоминал Семенычу все, к чему он когда-либо в жизни стремился, что искал и не находил.

Ворвался ветер в приоткрытое окно, створка распахнулась и захлопнулась. Дружно мигнули все электронные устройства. И отсчет времени возобновился.

* * *

Она находилась в трех километрах от него. Сидела на кухне, пила чай и смотрела, не глядя, на экран ноутбука.

Вспоминала пятничный вечер и мужчину, привалившегося к светофору: все вокруг торопились, суетились под холодным дождем, а он стоял, не двигаясь и ничего не замечая.

...Она возвращалась с работы домой с таким нежеланием попасть туда, с осознанной тоской и бессознательной болью существования в этом мире, с мерзкой усталостью таща на себе груз необходимости здесь находиться.

По дороге видела, какдвигающаяся впереди машина сбила кошку. Животное взлетело вверх на несколько метров, и таксист громко ахнул. Она равнодушно проводила взглядом тело кошки, упавшее в огромный сугроб, не испытав ни капли жалости.

Таксист провел по лицу рукой, сетуя на то, что никто даже не остановился, хотя автомобили как раз замедляли ход, собираясь в пробку очередного затора.

– Вы не могли бы ехать молча? – поморщилась Она. Бормотание таксиста раздражало Ее. – Идите и откопайте, если вам это так необходимо.

Мужчина осекся, бросив на девушку неприязненный взгляд. Но в ответ Она открыла окно, в которое сразу же устремился косой дождь, попадая и в салон, и на Нее саму. Таксист еще раз недовольно взглянул на Нее, но сказать Ей что-либо уже не решился.

А Она уставилась в окно, не чувствуя холодного ветра и мокрого дождя. Ей даже стало завидно, что не Она оказалась на месте этой погибшей кошки – вот единственное, что Она почувствовала в тот момент.

Девушка поправила слегка намокшую от дождя челку и отодвинула темные волосы назад. Она была недовольна собой, своей работой, своей семьей, своей судьбой и, вообще, человеческой жизнью. Перебирая в уме мыслимые радости существования, с неудовольствием понимала, что они Ее совсем не коснулись. Не любила отдыхать, не любила есть, не любила просыпаться по утрам, не любила вещи, не любила дом, не любила солнце. Все Ей казалось очень известным, примитивным и скучным. Со временем раздражение от жизни постепенно сменялось полнейшим равнодушием, граничащим с цинизмом и жестокостью. Она читала книги о том, как научиться быть счастливой, смотрела интервью, слушала лекции новомодных тренеров – но ничего не помогало. Только вводило в еще большее неприятие себя и жизни.

Она вспомнила, что накануне скачала новый курс уроков по программированию, и мысленно уже окунулась в него, отвлекая себя от того, что сейчас нужно прийти домой, приготовить ужин, сделать домашние дела, лечь спать, а утром начинать плести рутину снова.

Неаккуратный толчок автомобиля вывел Ее из отстраненности. Машина остановилась на перекрестке. Люди проворно заматались в обе стороны на зеленый сигнал светофора. Лишь один мужчина не двигался. Она увидела в светлых бездонных глазах стоявшего неподалеку мужчины свое отражение. Как в зеркале.

Мужчина, не отрывавший от Нее тяжелый взгляд, был хорошо одет. Приятная внешность, высокий рост. И он был изрядно пьян.

На мгновение Ей показалось, что их души, их сердца среди миллионов других узнали друг друга, и были когда-то чем-то связаны.

Их усталые и равнодушные глаза встретились. Встретились и расстались. В тот момент не было мыслей в голове ни у Нее, ни у него...

Дети и муж спали. Она поздним вечером сидела на кухне перед ноутбуком. В предыдущий вечер Ей не удалось позаниматься. Пока Она переделала домашние дела, усталость беспардонно «съела» и Ее желание углубиться в программирование, которое не являлось любимым делом, но очень хорошо убивало время и отлично отвлекало от всего остального.

Она открыла файлы курса и без мыслей смотрела на строчки. Ей нравилось находиться одной. Ей было хорошо в одиночестве. Но одна Она бывала только в редкие ночные часы, а в остальное время Она являлась женой, матерью, любовницей, сотрудником, другом, подругой – всем, кем и положено быть в Ее возрасте...

Был двенадцатый час ночи. Скоро полночь. Ноль часов, ноль минут, ноль секунд. Это продлится секунду, и отсчет вновь пойдет дальше.

* * *

...Но так же, как и у Семеныча, отсчет времени дальше не пошел. Время ждало, когда Она позволит ему пойти дальше, и покорно стояло на месте. Она. Женщина. Человек. Живое существо.

Она почувствовала, как с того момента, когда на дороге машина сбила кошку, в Ней что-то оборвалось, что-то исчезло. И что-то появилось. Она перестала быть той, которой была до этого неприятного происшествия. Она изменилась. И это изменение было необъяснимым образом связано и с погибшей кошкой, и с тем пьяным мужчиной, который опираясь на столб светофора, смотрел на Нее.

Как только Она это поняла, отсчет времени возобновился. Но это было уже другое, новое время.

* * *

Семеныч почти до рассвета просидел на кухне. Его пальцы скользили по экрану айпада, а в наушниках играла вновь сочиненная им музыка. Семеныч давно ничего не писал, с самого появления Катенка. Он не считал это занятие любимым, он даже не относил его к разряду хобби. Музыка позволяла Семенычу забываться и помогала ему не чувствовать себя. Он забрасывал созданные им композиции почти сразу, как только обрабатывал небрежно спетый вокал и заканчивал аранжировку. До следующего раза, когда вновь тоска или тревога не зазвучат в его душе, и не возникнет мелодия, а к ней наспех не напишутся слова. И появится еще одна недоделанная и выброшенная им песня.

Взглянув на часы, Семеныч отложил айпад в сторону: до рассвета еще было далеко, можно было еще успеть прилечь. Семеныч знал, что эту композицию он вечером обязательно закончит.

Семеныч стал проваливаться в сон, но кто-то коснулся его привычным мокрым носом и мягкой шерстью.

– Катенок?

В комнате Катенка не было, когда Семеныч открыл глаза. Но он ощущал и пушистые лапы, и острые зубы, прикусывающие его безмянный палец на правой руке, и теплую мордашку, уткнувшуюся в его ладонь. Смутная тревога подкралась к сердцу.

И Катенок незамедлительно подтвердила ее:

«Меня больше нет».

– Как это? Ты умерла? Когда? Как? – Семеныч уже ничего не понимал.

«Смерти не существует. Есть переход. Иная форма существования. Семеныч, у меня была другая жизнь до тебя, у меня есть другая жизнь и сейчас. Я все равно не смогла бы с тобой долго находиться. Но я была с тобой ровно столько, сколько тебе это было нужно», – голос Катенка не отдавал грустью. Тон был спокойный, утешающий, обнадеживающий. Как ребенку объясняют труднодоступное его пониманию, боясь напугать, так и Катенок разговаривала с Семенычем. Ласково и любя, как и раньше.

– Катенок, останься со мной. Почему ты ушла? Я любил тебя и совсем не хочу, чтобы ты исчезала. Ты нужна мне, необходима. Приходи ко мне каждый день, каждую ночь, ну и пусть, что тебя нет. Для меня ты есть, я слышу и чувствую тебя. Мне плохо без тебя.

«Тише, тише. Что ты? – Катенок согревала его своим теплом, успокаивала, убаюкивала. – Ты любил совсем не меня, и скоро ты об этом догадаешься. Меня, как таковой, и не было в твоей жизни, я не могу сейчас тебе этого объяснить – ты не поймешь. Мне нужно было уйти, и тебе это было нужно. Вот увидишь, дальше все пойдет как нельзя лучше. Тебе будет хорошо так, что ты вскоре забудешь меня. Ты сейчас не сможешь воспринимать мои слова, да и вспомнить их – у тебя не получится, потому что ты человек. Ты поверь мне. Ведь ты мне всегда верил. Поверь в то, что так надо. И так произошло. Я не могла дать всего того, что нужно тебе. В этом никто не виноват. Так иногда происходит. Скоро рассвет, спи, Семеныч, закрывай глаза. Сегодня у тебя будет чудесный день, обещаю. Спи, пожалуйста, я очень тебя люблю. Когда тебе будет плохо, если тебе будет плохо – я обязательно буду рядом, но этого не должно случиться. Я буду стараться, чтобы тебе никогда не потребовалось мое присутствие. Спи».

Последние слова Катенка Семеныч не слышал. Он крепко спал.

* * *

Во сне Семеныч ничего не видел, но слышал хлесткие удары. Не видя, что является их источником, тем не менее, Семеныч понимал, что это звуки бича, опускающегося на истерзанное тела рабов, чьи окровавленные ладони из последних сил гребли по бокам греческой галеры. Плеск морских волн, крики чаек, злая хриплая ругань на иностранном языке – много разных и непривычных ему звуков слышал Семеныч.

Но все они неожиданно оказались сметены, заглушены и стертые единственным волшебным звуком: мягким, сильным, красивым и настораживающим одновременно. Звуком, заставляющим спокойно вздохнуть и беспокойно забиться сердце в предчувствии неизведанного ранее восхитительного блаженства. Звук уносил из сна в чудесную страну чувственных наслаждений. Семеныч испытал настоящий восторг, его тело резко напряглось и опало, расслабившись до изнеможения. И, проваливаясь в наступившую тишину, он краем затухающего сознания понял, что это была песня сирены...

* * *

Проглотив обычный утренний кофе и, не обнаружив сумки со спортивными вещами в коридоре, Семеныч вспомнил, что машину он оставил у гостиницы.

Угол. Поворот. Никто не бежит рядом. Есть неизменные вещи в этом мире, доказывающие его существование. И есть – вещи, появляющиеся ниоткуда и исчезающие в никуда, ничего не доказывающие.

Город показался Семенычу непривычно безмолвным. Будто замер в ожидании. На дорогах не было автомобилей, по тротуарам не спешили люди. Легкий мороз и безветренная погода прочно окутывали утреннее пространство, никого и ничего не впуская в себя.

Семеныч шел, смотря себе под ноги, без мыслей наблюдая, как одна нога меняет в шаге другую, и как слаженно они работают.

Он будто увлекся этим, не совсем интеллектуальным процессом. Он просто шел и ни о чем не думал. Он не торопился, точно чувствуя, что это последние шаги в той жизни, которая с каждым шагом близилась к завершению.

* * *

Она встала с постели раньше обычного.

Заварила чай. Обжигаясь им, глотала терпкую жидкость, пытаясь проснуться. Размышляла, что лучше: поспать еще, так как Она совершенно не выспалась, или прийти на работу и сделать некоторые накопившиеся дела спокойно, пока еще никого не было. Конечно, Она любила просыпаться перед рассветом, но в выходные – чтобы часов в восемь нырнуть под одеяло обратно и выспаться. В рабочие дни – ранее пробуждение грозило раздражением, ознобом и усталостью на целый день. Допив чай и решив, что второе все-таки лучше, Она оделась и выскочила из дома. Из дома Она вылетала всегда быстро, обратно пропорционально тому, как вползала туда вечерами. Почему Ей стало некомфортно рядом с мужем, которого Она когда-то выбрала и с которым прожила больше десятка лет – Она не понимала.

На улице было хорошо: безветренно, но зябко. Она пошарила в карманах, где денег почти не оказалось, тут же почувствовала себя очень несчастной. Когда не было денег на такси, Она чувствовала себя очень бедно. И чем холоднее было на улице, тем беднее и несчастнее Она себя чувствовала. Для Нее это почему-то было связано.

Пришлось идти на остановку.

«Надо купить штемпельную краску», – вспомнила Она, пересчитывая на ходу мелочь: на краску денег оказалось достаточно. Она свернула во дворы, раздумывая о том, работает ли уже киоск «Союзпечать», и заодно о том, как хорошо было бы, если бы вся торговля осуществлялась круглосуточно.

Ее мысли внезапно остановились, к щекам прилил жар, а дыхание стало причинять неудобства. Впереди шел он – тот мужчина, которого Она видела у светофора.

Она замедлила шаг.

Как Она узнала его со спины, было необъяснимо. Она бездумно пошла за ним, не увеличивая и не уменьшая расстояние между ними, напрочь забыв о краске, о работе, о холоде и обо всем на свете...

* * *

Семеныч двигался вперед по безлюдной улице и прислушивался к появившемуся звуку позади себя. Кто-то шел точно за ним, в такт его шагам. Иногда сбиваясь, но опять упрямо восстанавливаясь в ритме шагов Семеныча.

Напоминание того, как Катенок бежала рядом, пронзило разум вспышкой, и Семеныч резко остановился.

Обернулся.

Перед ним стояла Она.

Они обрадовались и улыбнулись, не зная, что говорить.

Они узнали друг друга так, как узнают в тяжелом сумрачном сне, когда тусклые тени мечутся и совершают хаотичные действия. И среди этих размытых теней ты внезапно обнаруживаешь себя.

У Нее потемнело в глазах, а Семеныч услышал песню сирены из своего недавнего сна. Их сердца запульсировали одновременно и стали входить в резонанс, а после стремительная и упругая волна неведомой энергии пронзила пространство, желая разъединить Ее и Семеныча.

...Но было поздно. Это ничего не изменило. В мире стало лучше.

Они уже увидели друг друга.

* * *

Они только сейчас поняли, что находятся рядом с тем же самым перекрестком. Второй раз. Обоим на миг подумалось, что они и не прекращали после первой встречи думать друг о друге. То есть, еще не встретившись, они уже не расставались...

Пришлось напряженно выискивать тему для беседы, чтобы не улыбаться друг другу, как идиоты. Дальше пошли рядом. Они что-то говорили, сами не понимая, что именно – от волнения так бывает, когда говоришь и не понимаешь того, о чем говоришь; когда слышишь, и не понимаешь смысл услышанного.

Их мысли, занятые друг другом, блуждали, громоздились и падали, рассыпавшись...

«У нее обручальное кольцо на пальце», – отмечает Семеныч.

«У него улыбка замечательная, и стоит ему посмотреть на меня, как она тут же появляется: застенчивая, нежная, извиняющаяся улыбка», – отворачивается Она.

«Она смотрит исподлобья, а если исхитриться и взглянуть Ей в глаза, то все меняется. Как будто открывается неведомая бездна», – думает он.

«Смотрит как странно. Как будто пытается заглянуть в глаза снизу», – Она нарочно опускает взгляд.

«Какая милая», – наблюдает за Ней Семеныч.

«Какой же он красивый», – Она любит его очертаниями лица. Кажется, ни добавить, ни убавить – нельзя. Все пропорционально и совершенно в его внешности. И фигуре.

«Как будто маленькая, и в то же время, взрослая. Ее так хочется потрогать и обнять, погладить и успокоить», – еле сдерживается Семеныч.

«Какой нежный взгляд у него. Если он так смотрит на всех женщин, они должны быть сражены, побеждены... Короче, они должны сдаться», – Она улыбается своим мыслям и ему.

«А улыбка меняет ее полностью. Делает другой. Преображает. Улыбка превращает ее в сирену», – Семеныч невольно вытаскивает руку из кармана, и тут же его ладонь оплетается Ее пальцами. У него замирает сердце. Прикосновения Ее кожи сводят его с ума...

Незаметно они дошли до его машины. Семеныч завел двигатель, чтобы прогреть салон. Они сидели и смотрели друг на друга. О чем-то говорили. Она снова невзначай коснулась его рук, и несмело взяла их в свои.

Он вздрогнул и посмотрел на Ее руки, перебирающие его пальцы. Она будто сильно увлеклась этим действием, изредка поглядывая на него. Семеныч говорил и говорил без остановки – всю чушь и все, что приходило в голову – лишь бы только Она не бросала его руки и искоса посматривала на него со слабой смущенной улыбкой на Ее удивительно прекрасном лице. Как будто его ладони, его пальцы отвечали Ей на задаваемые Ею вопросы. Как будто они беседовали между собой, оставляя Семеныча немым свидетелем этой беседы...

«Какой классный мужчина, – подумала Она, глядя вслед уезжающей машине, и тут же горько усмехнулась: – А до работы не подвез. Да мало ли их было, классных и не очень. Все одно: чуть хуже, чуть лучше. Ни к чему мне это все. Надоело! Ну их всех к черту! Даже не представился по-человечески. Семеныч. Что за дурацкое прозвище?! И абсолютно не заметил, что я в ответ не назвала своего имени! Телефон не спросил, о следующей встрече не договорился. Странный какой-то. А, может, и к лучшему?»

Она отогнала от себя все мысли о Семеныче и пошла на работу.

* * *

Днем Семеныч впал в обычное состояние апатии, что, впрочем, являлось для него вполне естественным состоянием, если не было особо важных дел. Вспомнил про обещание Катенка – приходить, когда ему будет не совсем комфортно. Неожиданно для себя, спросил:

– Ну и где же ты?

«Здесь, – это было похоже на детскую игру в прятки, когда говоришь: «сдаюсь», и все появляются оттуда, где искали и не нашлись. Семеныч обернулся, но в кабинете никого не оказалось. Кроме Катенка, которая была не видна, но абсолютно ощущаема в непосредственной близости. – Я рядом».

Семеныч ошеломленно посмотрел на свои пальцы, сжимающие мышку компьютера. Он чувствовал, как их касается холодный нос, как щекочет мизинец бархатное ухо. Семеныч осторожно приподнял ладонь: он трогал воздух, но ощущал голову Катенка, ее прогибающуюся спину.

– Кошка, – растерянно произнес он.

«Вообще-то, нет, – рассмеялась Катенок. – Это твой разум меня так воспроизводит и воспринимает, поэтому ты чувствуешь меня, как кошку».

– А на самом деле?

Все погасло внезапно, будто кто-то закрыл Семенычу глаза. Он открыл их: монитор рабочего компьютера, его рука сжимает мышку, телефон разрывается...

– Да, я слушаю! – Семеныч поднял трубку, но услышал короткие гудки прервавшегося звонка.

* * *

Рабочий день у руководителя редко оканчивается в положенное время: затянувшиеся совещания, нерешенные вопросы, новые стратегии, обсуждения неподписанных договоров, или нудный коллега, который не в состоянии за пять минут изложить свои мысли, словно случайно заходит в кабинет сказать пару слов и забывает о времени...

Семеныч не очень уважал свою работу, не очень любил ее, и не совсем дорожил ею, но, тем не менее, задержался в этой компании практически со дня основания и считался, если и иногда достаточно резким, но ответственным сотрудником. Семеныч прекрасно понимал, что смена места работы вряд ли благоприятно скажется на его отношении к своей профессии, а поменять род деятельности – в этой стране могут либо очень отчаянные, либо очень молодые, либо те, кому уже нечего терять. Или те, кому выпадет счастливый случай. Да и к тому же Семеныч плохо представлял, чем бы ему таким заняться, чтобы многочасовая ежедневная работа превратилась в любимое дело и стала приносить удовольствие. И, поскольку должность у Семеныча была не самой плохой, зарплата не самой низкой, а офис находился в нескольких кварталах от дома – Семеныч продолжал ходить на работу. Но считал явным недоразумением тот факт, что с развитием информационных технологий, научно-технического прогресса человек продолжает «вклявывать» с утра до ночи, будто идет война или уровень цивилизации находится в дореволюционном маломеханизированном и неавтоматизированном состоянии.

Город едва начинал отряхиваться от ежевечерней пробки, когда Семеныч находился за рулем своего автомобиля и в задумчивости смотрел на борт замызганного грязью грузовичка, стоящего перед ним. Мысли Семеныча были всецело заняты Ею. Он не мог предположить, что они встретятся утром после того мимолетно-вечного «взгляда» на перекрестке.

Семеныча неожиданно охватило ощущение чего-то приятного и одновременно страшного, чего-то нового и вместе с тем давно знакомого. Он словно не думал о Ней, а окунулся

в Ее образ. Его мысли текли без всякого «русла», в которое Семеныч и не старался их сейчас направить.

Очнулся он от громких истеричных звуков, сигналивших ему машин. Грузовика уже не было видно. Семеныч, чертыхнувшись про себя, отжал сцепление...

Поздно ночью он закончил композицию, которую написал накануне вечером. Осталось только спеть и свести вокал с аранжировкой. Когда Семеныч сочинял музыку, время летело незаметно. Свободное время, которого у него и было-то не более пары часов перед сном. С работы Семеныч приходил нередко усталый, вымотанный офисной непрекращающейся и не всегда результативной суетой. Он долго не мог «отойти» от рабочего дня, в голове продолжали крутиться текущие проблемы. Говорящий телевизор и сытный ужин – единственный прием пищи за целый день – располагали к расслаблению организма, и чаще Семеныч сразу же засыпал.

Выключив айпад и выкурив сигарету на балконе, Семеныч еще раз недовольно осознал последствия своей работы, которая отнимала все время и ничего не давала взамен, кроме нормального существования в обществе, то есть: жилье, еду и одежду.

Взглянув на часы и поняв, что сон нужно неимоверными усилиями впихнуть в оставшиеся четыре часа, Семеныч вздохнул, укоряя себя за то, что засиделся за айпадом.

* * *

«Странная девушка, – ворочался Семеныч в постели. – Вроде, и обычная, а, вроде, и не совсем обычная. Вроде, и ничего особенного. А с другой стороны, вообще ни на кого не похожая. Если удастся взглянуть в ее глаза, голова начинает куда-то уплывать...».

Что-то не слишком сильно, но настойчиво тревожило Семеныча. Он не мог понять, что его беспокоит, и от этого слегка злился. И слегка радовался. Одновременно. Семеныч никогда еще одновременно не злился и не радовался. Тем более по одной и той же причине.

«Надо бы с ней встретиться. Чтобы сбросить это наваждение. Чтобы убедиться в том, что она обыкновенная. Что она такая же, как и все», – с этой мыслью Семеныч успокоился и стал засыпать. Но перед тем, как окончательно отключиться, нечаянным сновидением прилетела к нему огромная черная птица и, сильно ударив его огромным клювом по голове, сказала: «Ну и дурак же ты!».

– Катенок! – позвал Семеныч, вздрогнув.

«Что?» – нескоро отозвалась она.

– Она – кто?

«Жизнь. Спи», – Катенок исчезла. А Семеныч спал и не спал. Его злило то, чего он не мог понять. Он злился на Катенку. Ему показалось, что говоря отгадку, Катенок в ней прячет еще тысячу загадок.

«Как матрешки эти загадки. Откроешь одну, так тут же видишь... Нет, это еще не все. Это еще не конец. Дальше еще одна матрешка. А дальше еще. И, правда, жизнь. В жизни можно никогда до отгадки и не добраться», – перевернулся Семеныч на спину.

* * *

Утром Семеныч собирался двигаться по обычному маршруту: фитнес-центр, где он по утрам качался, а потом офис. Но, пересекая улицу, где встретил Ее вчера, внезапно остановил машину и заглушил двигатель.

Семеныч прошелся до конца квартала и развернулся. Неторопливо шел обратно к своему припаркованному автомобилю. Он понимал, что ничего не знает о Ней: ни имени, ни номера телефона, ни адреса места работы, ни то, где Она живет.

«Надо же было быть таким идиотом, чтобы вчера не договориться о новой встрече! – негодовал Семеныч, замедляя темп ходьбы. С приближением к автомобилю неосознанная надежда на встречу безжалостно таяла с каждым метром.

Улица была еще пустой: магазины и палатки угрюмо спали под закрытыми жалюзи; на виднеющемся перекрестке одиноко перемигивались светофоры, а единичные машины и редкие пешеходы совершенно не обращали на них внимания.

Но позади все-таки раздался поспешный стук каблучков. Семеныч чувствовал Ее торопливые шаги, догоняющие его. Он не обернулся, чтобы не ошибиться. Пока не увидишь, еще можно верить. Семеныч остановился и ждал.

Конечно же, Она нарочно пошла на работу тем же самым маршрутом, и в то же самое время, потому что эта улица и это время являлись той единственной ниткой, которая могла связать одну встречу с другой.

– Что ты здесь делаешь так рано? – раздался за спиной Ее радостный голос, и только тогда Семеныч развернулся.

– Тебя жду, – сознался он, неожиданно быстро приобнял Ее и коснулся губами Ее лица. Но Она успела увернуться от поцелуя в губы.

Они неловко замолчали. Им еще нечего было сказать друг другу, а мысли о том, что не мешало бы нормально познакомиться, обменяться телефонами – разом вылетели у обоих из головы.

Поглядывая друг на друга, они смущенно улыбались.

– На работу? – уточнил Семеныч, открывая Ей дверь автомобиля.

– Да.

И снова тишина.

Семеныч рассеянно трогает ладонью рычаг стояночного тормоза, Она невольно тянет руку под его пальцы. Опять это волшебное и трепетное прикосновение прохладной кожи, как кровь, пролетающая за миг по всему телу.

«Будто первое и невинное», – напряженно смотрит Семеныч на свою руку, ощущая блаженство. Однако разум его сопротивляется, извлекая из сознания другие мысли. Взгляд его устремляется на Ее колени, отмечает короткую длину юбки и стройные ноги, скользит выше – по молнии куртки, собачка которой остановилась на груди, раскрыв треугольник светлой блузки с глубоким вырезом. Виднеющийся миллиметр белоснежного белья на загорелой коже. Судя по выдающейся жилке на хрупкой шее, Ее голова повернута к нему. Очерченный подбородок. Бледные губы бесстыдно соблазняют возможностью узнать их вкус. И у Семеныча побеждает желание убедиться, что все это ему показалось, что Она такая же, как и тысячи других, окружавших его в жизни. Обычное желание, которое испытывает нормальный мужчина к красивой и волнующей женщине.

«Как бы спросить Ее о вечере, чтобы не обидеть», – думает он, подбирая слова.

«Здесь нет ничего обидного. Вечером я пойду обратно, и мы можем увидеться», – улыбается Она, но вслух ничего не произносит, как и он. Она слышит его мысли и отвечает ему так же. И он понимает Ее.

Как Катенка.

Заметив в глубине Ее глаз нежную насмешку, Семеныч осознал, что Она почувствовала его смятение. Он неприятно ощутил себя раскрытой книгой. Ему стало не по себе от того, что Она понимает, что происходит, а он – нет. И ему это не понравилось.

Семеныч почувствовал, как в нем закипает злость, вытесняя все остальное.

Будто ошпарившись, Ее левая рука тотчас отдернулась от его ладони и мгновенно Ее правая рука дернула ручку дверного замка.

– До вечера? – спросил он, чтобы еще раз убедиться в том, что Она слышала его мысли.

– До вечера! – рассмеялась Она, захлопывая дверь.

«Я не знаю как себя вести! Как будто в первый раз... Глупость какая – то!» – Семеныч был растерян, как маленький ребенок.

Он еще немного злился на Нее, и мужская злость толкнула его на другую мысль: «На ночь останешься?» – и тут же моментально вспотел, предположив вполне ожидаемый отказ, и разрыв еще не начавшихся отношений.

Она уже уходила вперед по дороге.

«Останусь!» – с вызовом донеслось до него. Он смотрел, как Она уходит, и не мог оторвать взгляд от Нее.

Вдруг между ними что – то пронеслось. Промелькнула маленькая и не очень заметная тень. Тень кошки. Тень его Катенка.

«Показалось?» – Семеныч смотрел на Ее удаляющийся силуэт. Она обернулась, сделала легкое движение головой, отрицательно ответив ему, и почти сразу же скрылась в толпе людей, шедших с автобусной остановки.

«Я сошел с ума!» – мысленно застонал Семеныч, включил зажигание и тронулся.

* * *

Семеныч не думал о Ней. Он достаточно глубоко окунулся в суету рабочего дня с паутиной бесконечных телефонных звонков, длительных переговоров и совещаний.

Семеныч совсем не думал о Ней весь день.

Она просто не выходила у него из головы ни на секунду.

Погасив свет в кабинете, Семеныч понял, что не взял Ее номер телефона. И о времени они не договорились.

«Вот осел», – повернул Семеныч ключ в замочной скважине, запирая рабочий кабинет.

* * *

День прошел довольно весело. С утра у Нее обнаружило себя прекрасное настроение, которое тут же перетекло в шутки и небольшие розыгрыши.

Выключив звук и вибрацию на радиотрубке телефона менеджера, Она положила аппарат под стопку бумаг на его рабочем столе. Спрятала коробку рафинада из сейфа и поставила рядом с банкой кофе полупустую банку с сахарным песком, предварительно насыпав туда и соли. Поставила на заставку своего монитора несерьезную фотографию менеджера с отдыха за границей, где он чудесно подпрыгнул в небеса. В электронной почте исправила подпись, изменив слово: «старший» на «весенний». Перевернула изображение рабочего стола экрана своей коллеги вверх ногами, и, в предвкушении начала рабочего дня затихла, расположившись с документами, которые требовалось разобрать, подписать и разложить по отделам.

– Застрял в пробках! – влетел Толик, молодой парень, недавно и неожиданно получивший повышение в виде должности менеджера. Он все время боялся сделать что-нибудь неправильно и навлечь на себя гнев вышестоящих. Парень был нацелен на карьеру в хорошем смысле этого слова: справедливый, ответственный, исполнительный и честлюбивый. – Никто меня не искал?! Ребята? Никто не звонил?

– Только отдел кадров, – непринужденно ответила Она, заправляя краской печати.

– Зачем? – испугался Толик.

– Подписать перевод в распределительный центр в калужской области, – оторвав кусочки бумаги и зажав ими печать, чтобы не испачкать пальцы, Она стукнула по столу, проверяя четкость оттиска. – Я сказала, что ты после обеда зайдешь.

Толик растерянно подошел к своему столу, щеки его зарделись: работать в другой области ему совершенно не хотелось.

– Не слушай ты ее, – со смехом ответила Маша, похлопав по его плечу. – Что ты ее не знаешь, что ли? Кофе всем наливать? Никто тебя не искал, успокойся.

Толик глубоко и облегченно вздохнул, усаживаясь за стол.

– Где моя трубка? – Толик заглянул под стол.

– Я не видела, – ответила Маша, ставя перед ним чашку кофе.

Толик настроенно взглянул на Ее спину. Но Она спокойно и тщательно скомкала испачканную штемпельной краской бумагу и выбросила комок в ведро.

– Я оставлял телефон на столе вчера!

– Позвони с рабочего, – предложила Маша. Отхлебнула из своей кружки солоноватый кофе, и от неожиданности нечаянно выплюнула содержимое на стол Толика: – Фу! Извини...

В этот момент в кабинет ворвался полный мужчина в возрасте, начальник отдела, и, ни с кем не здороваясь, подскочил к Ней:

– Ты отправила отчеты и резервы?

– Конечно, – Она тут же открыла электронную почту. – С вашего ящика еще вчера днем.

Я утром повторно отправила, полчаса назад.

– А что это за ответ пришел: «Намекаете на надбавку в связи со сменой сезона?»

Толик вытянулся по струнке, не утерев с лица капли кофе. При непосредственной близости руководства Толик впадал в ступор.

– Где моя трубка? – одними губами прошептал он Маше, которая кокетливо прикрыла лужу на его столе первым попавшимся листком бумаги.

– У вас в подписи стоит «весенний руководитель», – осторожно сказала Маша, глядя на экран Ее монитора. – Очевидно, поэтому.

Мужчина обернулся на красное в коричневую крапинку, застывшее от испуга лицо Толика, на стоящую рядом Машу, державшую ладонь на бумаге, по которой, расплываясь, ползло темное пятно в сторону стопки оригиналов договоров с поставщиками. Перевел взгляд на свою подпись на Ее компьютере.

– Что за бардак у вас?!

– Ой, извините, я на подпись не посмотрела, не думала, что она может измениться со вчерашнего дня, – виновато сказала Она, с деланной преданностью заглянув в его глаза снизу. Она-то знала, что он вчера напился с начальником соседнего отдела до такой степени, что вызвал Ее к себе, передав пароль от почтового ящика и поручив ответить на некоторые письма, пришедшие от головного офиса.

– Так. Ладно. Это я, наверное, ошибся. Дай-ка, – мужчина подошел к соседнему столу, дернул мышкой, и перед ним предстал перевернутый экран рабочего стола. – Мария? Позвольте спросить, как вы работаете?!

Маша онемела, не зная как отреагировать на то, что она, будучи в кабинете второй час, еще не подходила к компьютеру. У Толика в это время вываливались глаза, потому что он на Ее компьютере увидел свою фотографию вместо стандартной заставки компании. Мысленно взмолился, чтобы взгляд руководителя не коснулся Ее монитора.

Зазвонил телефон, и начальник отдела, прижал палец к губам, означавший, чтобы находившиеся рядом не произвели ни звука.

– Да, да, – он, кивая, засуетился. Прижимая трубку к уху, мужчина выходил из кабинета. Дверь за ним закрылась. Потом открылась, и в нее просунулся кулак, который пару раз тряхнув собой, тоже скрылся.

Маша заливисто расхохоталась и протянула намокший листок Толику:

– Утрись, что ли.

Толик вытерся воротником пиджака и, приподняв стопку бумаг, нашел свой телефон. Сотряс им в воздухе:

– Вот я тебя!!! Убери эту заставку!

Толик кинул в Нее скомканным листком бумаги. Она отмахнулась и рассмеялась, и всем стало ясно, чьи это оказались проделки. На Нее невозможно было сердиться.

В окно деловито проник солнечный луч, словно осведомляясь причиной всеобщего веселья.

– Как с тобой муж живет? – пробормотал Толик, ища в настройках телефона громкость и вибрацию.

– Да отлично живет, не тужит, – Она вспомнила утро и набрала номер: – Привет. В садик отвел? У меня тут аврал, я допоздна буду. Наверное, у Машки тогда останусь. Не буду вас беспокоить. Пока.

Она, быстро выпалив и не дожидаясь ответа, мгновенно положила трубку. Маша лукаво посмотрела на Нее:

– Аврал?!

– Весна, – загадочно ответила Она и расплылась в улыбке.

– Я вот не умею совсем врать, – вздохнула Маша. – Как это у тебя получается?

– А я не вру, потому что. Я же не сказала ему, где у меня аврал.

– Кошмар, – подтвердил Толик, выливая свою чашку в ведро. – Я делаю кофе номер два.

Всем?

– Теперь, да, – кивнула Она. – Сахар на верхней полке.

– Верни мне экран! Даже стрелка вверх тормашками! – взмолилась Маша после десяти-минутного бесполезного нажимания на клавиши перезагрузки.

– Все к вашим услугам, – ласково ответила Она, нажав на несколько кнопок. И хлопнула по столу пачкой документов. – Это, в виде благодарности, тебе до обеда. И не бери трубку сегодня, если позвонит мой муж или незнакомый номер.

Маша выразительно приподняла брови, прищелкнула языком и махнула рукой...

– Мань, – простонала Она, вернувшись к разбору документов. Пальцы перебирали уголки скрепленных листов и выхватывали лишние, рассортировывая в несколько стопок. – Мне так жить скучно!

– Тебе?!

– Мне, – вздохнула Она, меняя заставку экрана на стандартную картинку.

– Да у тебя за день событий столько, сколько со мной за месяц не происходит. Детки у тебя, муж. Ну и... Не придумывай!

– Тошно мне. Повеситься охота. От этой работы я тупею. Домой не тянет. Плохо мне, – продолжала Она. – Вот если бы знать, для чего человек нужен. Я б лучше прикрыла собой танк на войне. Или, к примеру, дали б мне задание: покрасить великую китайскую стену. Я бы знаешь, с каким удовольствием ее красила? Красила бы и спала. Потом просыпалась и опять красила бы.

– Больная ты, – поморщилась Маша.

– Мне это тоже порой в голову приходит.

– Может, вечером, в бар? – Толик поставил перед ними по кружке горячего кофе. – Я еще не проставился, как-никак.

– У меня дела. Давайте завтра, – нахмурилась Она, вспомнив Семеныча. Его руки, взгляд, улыбку. «Вечером встретимся. А номер телефона не спросил. А он женат? Вечером. На ночь. А я и согласилась. Зачем?! – посмотрела в окно и ладонями горестно шлепнула себя по горящим щекам. – Вот дура!».

* * *

Обычный вечер для всех. Лишь двое в этом мире с волнением ждали его. Смотрели в течение дня на часы и желали, чтобы время не летело так быстро. Оба понимали всю скоро-

палительность принятого решения. Боялись очередного разочарования, чем иногда являлись встречи и заканчивались отношения, и хотели вечера.

«Что я так нервничаю? Вроде бы ничего особенного. Встретились двое, понравились друг другу. Мы же взрослые люди. Но что я так нервничаю?» – думал Семеныч, гоня машину к знакомой улице.

«А где мои мозги? – думала Она, торопясь к перекрестку. – Выпьем кофе где-нибудь, и я пойду домой. Мне еще только этого не хватало. Вернее, это уже надоело. Я не готова к новым отношениям, которые впоследствии станут очередной банальностью».

Она заметила его автомобиль издалека.

Семеныч ходил по тротуару возле машины взад – вперед, ожидая Ее. Ему нравилось ждать Ее. Он курил и слегка нервничал, но это было приятное волнение. Он мерил шагами улицу, и в это время у него из памяти стирался весь прошедший день, работа и семья.

Натянуто кивнули друг другу и спрятали взгляды. Одновременно они повернули и молча пошли по улице вперед. Мимо кафе и торговых центров, мимо домов и дворов. Вдоль дороги, по тротуару. У моста молча свернули к трехэтажному зданию гостиницы...

...Поднимались по крутой лестнице. Семеныч впереди, прислушиваясь к Ее шагам. Она – позади, глядя, как преодолевают ступеньки его ботинки.

«Зачем я согласилась?»

«Почему мне так напряженно? Она прелестна. А у меня даже язык с трудом поворачивается».

«Надо отдать ему должное, ведет себя вежливо, достойно. Знал бы он, как мне страшно. Что я наделала? Передо мной чужой незнакомый мужчина. Зачем я здесь? Может уйти, пока не поздно?» – подумала Она, испытующе взглянув на Семеныча. Он в это время вынул из прорези карточку, и дверь на этаж открылась. Семеныч поглядел на Ее, слегка зарумянившееся от волнения лицо, на закушенную нижнюю губу и, вновь, не желание обладать женщиной возникло в нем, а желание погладить, утешить, поцеловать это милое существо, обнять и успокоить.

Тревога стала покидать Ее...

Они расположились у столика в стандартном номере гостиницы, и довольно беззаботно разговаривали. Горели три ночных лампы: одна стояла на столике, две другие – на тумбочках, стоящих по обе стороны двуспальной кровати. Большой свет не зажигали. Был создан маленький уютный мир для двоих. Никто из них даже не догадывался о том, что этот мир возник не только на одну ночь, а расширяться дальше самостоятельно, поглощая тот мир, который был раньше.

Так, наверное, наступила первая ночь после создания мира.

Семеныч допил кофе. Ее бокал мартини опустел. Вялая беседа иссякла совершенно. Складывалось впечатление, что им не то, чтобы нечего сказать друг другу, а имеется более важное дело, которое уже просто невозможно становится откладывать.

Семеныч осторожно посмотрел на Нее:

– Иди ко мне?

От него веяло желанием. Заботой. Сильным мужчиной. Ласковым мужчиной. Она робко поднялась со стула и подошла к Семенычу.

Он притянул Ее к себе на колени.

Сердце билось отчаянно у обоих.

Их губы соприкоснулись.

Он целовал Ее долго и бережно, вдыхая Ее почти неощущаемый, трогательно нежный аромат. Он чувствовал Ее дыхание на своих губах. Он целовал Ее прохладные губы, Ее горевшие щеки, Ее закрытые веки, незащищенную одеждой шею.

Он дышал Ею и не мог надышаться.

Она целовала Семеныча, словно поцелуй был первым и последним в Ее жизни. Она пробовала его губы, уголки губ, крылья носа, глаза, брови... – то сильнее, то еле касаясь. Она с жадностью знакомилась с его запахом, вкусом, кожей. Ощущать себя в его сильных руках, которые с такой нежностью трогали Ее – казалось волшебством.

Пуговицы на его рубашке стеснительно расстегивались Ее пальцами – Ей не терпелось увидеть и почувствовать все его тело. Пиджак Семеныча уже давно валялся на полу. Вслед за рубашкой бесстыдно поддался Ее движениям и ремень на его брюках.

Не более метра оставалось до широкой постели.

Семеныч разделся окончательно. Она с восхищением смотрела на его красивое тело, оно казалось Ей совершенным. Теперь Она смотрела на всего него. Она немного боялась, но этот страх, этот невыразимый трепет перед мужчиной, был до невозможности приятен.

Семеныч приблизился к Ней. Притянул Ее лицо к своему лицу. Внимательно посмотрел в Ее завораживающие, с блеском желания, глаза. Обвил руками, продолжая медленно и неуверенно целовать. Бережно положил Ее на спину и продолжал целовать...

Он гладил Ее, как котенка. Он обнимал Ее и не мог оторваться. Он испытывал к Ней такую странную и необъяснимую, вдруг вырвавшуюся из глубины души, нежность, что... Ему этого было бы вполне достаточно, но...

Мужчина...

...Мужчина должен соответствовать принятым стереотипам. Если уж пригласил даму, и она согласилась, то отсутствие стремления к близости могло быть расценено как нерешительность или, того хуже, как мужская несостоятельность...

И Семеныч начал расстегивать пуговицы у Нее на блузке.

Она, выгибаясь, потянулась всем телом, с которого Семеныч в это время успел беспрепятственно снять последние остатки одежды, к выключателю. Лампа у постели погасла. Она, касаясь Семеныча и скользя в его руках, целуя и обнимая его, потянулась в противоположную сторону. Погасла вторая лампа. Остался гореть лишь ночник на столике.

Она стеснялась света. Ей хотелось полностью насытиться Семенычем, его телом так, чтобы свет не вскрывал Ее наслаждения процессом. Чтобы темнота дала полное расслабление, которое никакого свидетеля не терпит рядом с собой.

Семенычу же хотелось видеть Ее лицо: такое милое и невыразимо приятное; Ее фигуру: такую гипнотизирующую и восхитительную. Не хотелось ему выключать свет. Но Семеныч, конечно же, ничего не сказал.

Теперь, когда они были полностью обнажены, полумрак комнаты стал их одеждой, их миром, их любовью, в которых они постепенно исчезали. Ощущение поцелуя передалось всему телу Семеныча. Точно все его тело, целиком целовало Ее тело, тело его Катенка: такого маленького и хорошенького, такого независимого и строптивого...

Приближался тот самый момент, когда мужчина становится обладателем. Когда он входит в женщину, и ее тело с готовностью и безудержным желанием поддается его первому проникновению.

Это произошло неспешно и восхитительно.

Она сдалась полностью. Отдалась его силе, его власти, его красоте.

Его руки гладили Ее лицо, бесстыдно блуждали по Ее разгоряченному телу. Его пальцы с дрожью касались расплавленного шелка Ее кожи. Каждая часть Ее тела пьянила Семеныча до безумия. Его губы ласкали Ее поцелуями вновь и вновь. И все его тело любило Ее.

Ей казалось невероятным такое растворение в нем. Она не чувствовала границ двух тел, словно они стали одним. И имя ему было желание и страсть. Желание близости еще и еще. Не останавливаясь, но замирая ненадолго, растягивая момент наслаждения, Она любила его.

Семеныч будоражил и волновал кровь, которая с немыслимой скоростью разгонялась по своему кругу, и Ее бросало в жар, откуда вновь выбрасывало, только для того, чтобы с вновь в него провалиться.

Это было удивительно: каждое его движение как будто отражалось Ее телом, подхватывалось и удештерялось в своей нежности. Семеныч целовал Ее и гладил Ее упругое, упоительное тело, моментально ласково отзывавшееся на любое его мимолетное прикосновение. Она с томительным трепетом откликалась прерывистым дыханием, судорогой раскинутых рук и ног... И эти страстные ненасытные поцелуи, которые не прекращались ни на секунду во время восхитительного слияния...

Трогать Семеныча для Нее оказалось также приятно, как и смотреть на него. Хотелось запомнить его руками, ногами, губами, кожей, ощущениями, сердцем. Хотелось запомнить это наслаждение надолго, сохранить эти мгновения в памяти – настолько это было великолепно...

Ее руки проскользнули под его ладони, и он сжал Ее пальцы своими, жестом говоря в ответ, что ему также хорошо. Семеныч понимал и предугадывал все Ее движения. То он прижимал к Ней с силой, то отстранялся, оглядывая наслаждающееся в неге тело.

Они не могли остановиться. И их тела, и простыня под ними были полностью мокрыми. Они будто обезумели, словно превращались в единое сверхъестественное существо. Точно они образовывали его своим желанием и укрепляли своей энергией, а оно было им признательно за свое появление, и в благодарность дарило такое наслаждение, которого прежде не довелось им испытывать...

Но им пришлось остановиться. Их остановил самый сладкий момент разрыва всех нервных окончаний – когда в исступлении исчезает мир; исчезают мысли, и сердце гулко стучит, отдаваясь в теле вибрацией; дыхание становится глубоким, полным, но невозможно отдышаться; когда два тела перестают двигаться и замирают, слившись.

Она столкнула его руки так, чтобы он полностью лег на Нее всей тяжестью своего ослабленного тела...

Он поцеловал Ее. Она поцеловала его.

Это уже был другой поцелуй. Не первый поцелуй знакомства, это был первый поцелуй любви. Ее любви. Его любви. Их странного союза, который начавшись, как все подобные отношения обычно и начинаются, в результате изменил не только их самих, но и все, что их окружало. И ни один из них, желая этой встречи, не ожидал ничего необычного...

Дыхание Семеныча приходило в норму. Головой он лежал на Ее плече, и Она притянулась губами к его виску, чувствуя еле ощутимую пульсацию. Ночная лампа на столике размытым пятном выхватывала рисунок на темных обоях, играла бликом на стеклянном бокале и неполной бутылке мартини, освещала сползшее с постели белоснежное одеяло на полу, из-под которого стыдливо виднелись брошенные в беспорядке вещи.

Она смотрела в полутемную комнату и неосознанно прижала Семеныча к себе. Еще не приобретя его, Она впервые побоялась его потерять. Такое наслаждение подарил он Ей, что Ей стало безумно страшно.

«Как такое могло случиться, и что теперь делать? Забыть это уже невозможно. Но как жить дальше? А будет ли дальше?» – Ее наслаждение сменилось нехорошей тревогой, и Она соскользнула с постели в ванную.

Семеныч беспокойно проводил взглядом обнаженный силуэт и не сказал ни слова.

* * *

После первого, ни с чем несопоставимого восторга, Она еще долго не давала Семенычу спать, поднимая его на новые высоты волн дикой нежности. Это были другие, не менее восхитительные ласки. Она ласкала Семеныча и от его возбуждения загоралась желанием сама.

И вновь разрезало ступни током пополам, а колени сводило так, что Она отстранялась от Семеныча и легонько отталкивала на несколько секунд, одновременно пытаясь пересохшими губами снова прильнуть к нему. Вдыхала удивительный аромат мужского тела и пробовала вкус его разгоряченной кожи, с которой стекали струйки пота, смешиваясь с солеными каплями на Ее влажном теле, когда вот-вот приближается то самое...

Теперь Она владела им: целуя, заставляла закрывать веки, с легкостью проводя нетерпеливыми пальцами по всем его черточкам и изгибам, чувствительно трогая мышцы на руках и плечах. Она изучила всю его грудную клетку, каждый сантиметр его тела, опускалась ниже и поднималась вновь, касаясь его руками, губами, кожей, ощущениями, чувствами. Любя его. Приникая к нему. Наслаждаясь им.

В результате Она выпила его до капли в последний раз, уже на рассвете...

* * *

Неприятный звук застегивающейся молнии на юбке. У Семеныча открылись глаза, и дрогнуло сердце. Он неслышно возник на пороге ванной комнаты и, прислонившись к косяку, смотрел, как Она, умывшись, расчесывает спутанные ночью длинные волосы, подкрашивает губы, подводит уставшие глаза и поправляет мятую блузку.

Увидев его отражение в зеркале, Она обернулась и замерла. Их взгляды опять встретились. В них было недоверие и недоумение. Оба понимали, что произошло то, что происходит, происходило, и всегда будет происходить между мужчиной и женщиной. Но вместе с тем, смутное ощущение того, что что-то пошло не так, не покидало их.

Зазвонил Ее телефон.

Они вздрогнули и отвели взгляды.

– Такси...

Засуетились.

Она спешно собрала с полочки тушь, помаду, расческу, бросила все в косметичку. Семеныч ушел в комнату, подобрал с пола свою одежду.

– Я провожу, – начал одеваться он, натягивая брюки.

– Не надо, – слегка нахмурилась Она.

– Почему?

– Не надо.

...У Семеныча в жизни было много женщин. Он любил женщин, но не ставил целью их «коллекционировать», просто так сложились обстоятельства: частые командировки, естественное и искреннее желание, мужская состоятельность, наличие хорошей внешности и фигуры, природная обаятельность и раскованность, достаточная щедрость и покоряющая женщин галантность.

Она все почувствовала. Это «провождение» показалось Ей завершающим актом вежливости, прощанием, после которого, Семеныч вряд ли Ей позвонит. Она вполне могла обойтись и без «джентельменства», если это был последний час, когда они были вместе.

– Ты по какой – то причине не хочешь, чтобы я проводил тебя до машины? – Семеныч подумал, что Она, являясь замужней женщиной, может иметь все основания для того, чтобы не появляться ранним утром из гостиничных дверей с мужчиной.

Он остановился у входной двери, преградив Ей дорогу. С тревогой попытался заглянуть Ей в глаза, пока Она застегивала сапоги. Бесхитростный вопрос Семеныча теплым и неподдельно ласковым тоном обескуражил Ее.

– Нет никакой причины. Если хочешь, провожай, – Она вновь стала надменной и колючей, точно выпустила невидимые иголки.

Семеныч стремительно накинул рубашку, и, торопливо застегивая пуговицы, всунул ноги в ботинки.

– Денег дать?

Она вспыхнула. Щеки покраснели. Понимала, что Семеныч сказал это искренне, лишь затем, чтобы оплатить Ей такси, но в возникшей натянутости между ними, которой являлась тишина, прерываемая короткими фразами, эти слова прозвучали жутко. Семеныч, даже и не понял, что сказал что-то не то. Но появившуюся обиду в Ее молчании мгновенно почувствовал, отчего смутился.

По лестнице спускались молча, так же как и поднимались накануне. Только настроение было уже прямо противоположным.

Внизу Семеныч остановился, спустившись ниже Нее на одну ступеньку. Теперь их глаза были почти на одном уровне.

– Подожди, – прошептал он и взял в ладони Ее лицо. Коснулся носом Ее носа.

Она обвила его руками и поцеловала. Крепко обняла, на мгновение прижав к себе, и отпустила.

Выйдя из здания, Семеныч достал пачку сигарет и нервно закурил.

– Дай, пожалуйста, номер телефона, – хрипло, словно небрежно, обронил он, прищурившись от ветра, когда Она уже садилась в такси.

– Диктуй, – вместо ответа Она достала свой телефон.

Они избегали смотреть друг другу в глаза. Светящаяся вывеска гостиницы, такси у входа, мужчина, женщина, вежливо отвернувшийся таксист. Все это не раз уже было в их жизни. Но сейчас обычная ситуация почему-то причиняла неуловимое неудобство и неловкость обоим.

Семеныч поднимался обратно в номер и вспоминал Ее мокрое тело. Он трогал Ее везде, и там, где трогать было особенно приятно: ночью Она была не просто влажная, а как будто только что вынырнула из волшебной влаги любви...

«Всё? – спросила Она сама себя. – Доигралась? Не ожидала? Отдалась в первую ночь мужчине, которому отдавались все до тебя, и будут отдаваться после... Ты лишь была очередной. Но как это забыть теперь? Зачем я это сделала? Я жила спокойно и уверено. Всё было, и все были. Никому не отдавая сердца, я жила по инерции, ничего уже не ожидая хорошего от жизни, питаюсь иногда маленькими радостями и не очень огорчаясь по мелочам. Только душа была похожа на мертвеца и ждала, пока тело состарится и помрет вслед за ней. Любви ведь нет, а если и бывает ее подобие, то до нового интересного субъекта... которого он пригласит в номер и будет так же жадно целовать. Ой, дура...»

В Ее душе было смятение, в коленках дрожь, глаза предательски защипало. Она прикрыла веки и приложила прохладные ладони к горевшим щекам.

– Девушка, вам плохо? – таксист посмотрел на Нее.

– Нет. Мне очень хорошо, – неожиданно рассмеялась Она. И, подумав, прибавила: – Было.

Достала из сумки наушники и присоединила их к телефону, который так и лежал на коленках с его набранным, но еще не сохраненным номером. Взглянула на экран: «5.45»

«Черт, похоже, домой являться не очень корректно. А я почему-то думала, что сейчас еще нет и полуночи, – подумала Она. – Ладно, как раз доделаю квартальные отчеты».

– Развернитесь. Я поеду в другую сторону.

* * *

Семеныч опустил голову на подушку и сразу же заснул. Появилась Катенок и увлекла его за собой.

Не было солнечного дня с безоблачным синим небом. Но это был день. Другой день. Перед Семенычем возник лес, но не такой, в котором обычно грибники собирают грибы. Лес был окутан вечностью: высокие мрачные деревья загораживали небо. Черные деревья стояли, как голые мертвецы: старая скрюченная кора, безобразно кривые ветки и стволы, точно их нарочно и неестественно вывернули. Мягкий темно-зеленый мох зыбко проваливался и хлюпал под ногами. Вокруг – могильная тишина. Этот лес завораживал и не отпускал, нагоняя тревогу и страх. Время здесь не текло, а двигалось отрывисто, как сердцебиение в замедленном темпе. Оно физически неспешно, но сильно било секундами по всему живому и неживому, по внутреннему и внешнему. Семеныч заметил это по новым резким искривлениям стволов и веток, по неожиданным остановкам своего дыхания, по нарастающим волнам страха, которые облепляли его душу.

Лес, неспешно растворяясь, превратился одновременно и в мегаполис, и в заброшенную деревню, и в крайний север, и в прибрежную песчаную полосу моря. Семеныч не мог описать, где очутился. Он чувствовал эти местности одновременно, в равных долях от целого. Людей Семеныч не видел, зато чувствовал то, что ощущают они телом и душой. Казалось, у Семеныча остался только собственный разум, а все остальное принадлежало не ему. Точно в его тело кто-то вселялся и невольно вынуждал Семеныча чувствовать чужое, как свое: физическую боль, муки неразделенной любви, обескураженность от предательства, горе от потери близкого. Ощущение голода и холода попеременно возникало в теле. Чувство собственной неполноценности выжимало душу, как хозяйка выкручивает белье. Тяжелая тоска безысходности давила на грудную клетку, выламывая ребра изнутри. Неприятно сильные эмоции несостоятельности и неудовлетворенности человеческой сущности ощущались в кончиках пальцев, сжимающих собственное горло, мозг высыхал как у спившегося алкоголика, руки становились грязными, покрывались язвами и дрожали. Любые возможные желания воспринимались абсолютно невыполнимыми, но достаточно сильными, чтобы заставлять сворачиваться кровь.

Страх, подобно эритроцитам, пульсировал по кругу кровообращения, заставляя чернеть и гнить органы, в которые он проникал. Мысли судорожно бегали по нервным клеткам, заставляя их тут же передавать лихорадочные сигналы, от которых сжималось нутро.

Еще немного, и Семеныч рехнулся бы бесповоротно. Но он почувствовал, как поблизости иллюзией возник кто – то родной. На доли неосознанного момента времени. Семеныч понял, что это была Она. И что Она была здесь, как будто заглянула в дверь, но сразу же захлопнула. Тут же появилось тягостное чувство потери. Как будто Она ушла. Не захотела остаться рядом. Она не захотела ему помочь всего лишь своим присутствием....

Вдруг Семеныч увидел надвигающуюся тень огромной черной птицы. Движение тени становилось стремительным по мере приближения. Жуткий холод сопровождал это движение. Но тут же пропал страх, как только его источник идентифицировался. И появилась «злость». Эта «злость» разрасталась и поглощала замершее от испуга окружающее пространство, покрывшееся серым туманом. В нем мучительно извивались стволы деревьев, очертания зданий, призраки непонятных существ, которых до появления «злости» видно не было, но чье незримое присутствие вызывало гигантский страх. «Злость» агрессивным хозяином поднялась над этим странным местом.

Мгновенно и полностью скомкала и разрушила все, что на нем или в нем было.

Черная птица прекратила движение. Она больше не приближалась к Семенычу. Она с удивлением и беспокойством смотрела на происходящее. «Злость» не уничтожила черную птицу, потому что черной птицы не было. Черная птица оказалась лишь предвестником того, что должно было бы произойти, если бы не появилась «злость».

Она ушла специально, потому что, если бы Она осталась, то они с Семенычем погибли бы вместе. Она знала, что только с Ее уходом появится «злость». И уничтожит зло.

Семеныч не мог взять в толк, как он может незримо видеть чувство. А вернее то, что это чувство делает. Семеныч и сам нередко злился и мог даже прийти в ярость, но, кроме учащенного пульса, повышенного давления и желания ударить или накричать на объект своей злости, разве что-либо еще возможно? Семеныч не понимал как чувство может быть отдельно от того, кто его испытывает. Все это промелькнуло у него в голове, пока черная птица еще какое – то время парила в воздухе. Потом птица медленно исчезла...

Семеныч захотел посмотреть на Катенка и спросить, но повернув голову, увидел белую мятую подушку, край тумбочки с лежавшим на ней телефоном, часть стены гостиничного номера.

– Катенок? – позвал Семеныч.

«Так обнажаются чувства, которые становятся живыми и начинают существовать самостоятельно. Осторожнее с ними. Не выплескивай их в пространство. Они могут создать и уничтожить все. Это иной мир», – услышал он в ответ, еле разбирая быстрый шепот. Слова проносились с другой скоростью, как мысли. Возможно, это и были мысли.

Семеныч вновь стал проваливаться в бессознательную темноту, как его тут же вытащил за шиворот тяжелой рукой сигнал сообщения в телефоне.

«Что это было?» – спросила Она.

– Сам не знаю, – сам себе ответил Семеныч. И повторил то, что успел запомнить: – Обнажаются чувства.

– И начинают существовать самостоятельно, – закончила Она, подняв голову. Сделав пару отчетов, Она, после бессонной ночи, не заметила, как уронив голову на руки, уснула. Сон походил на кошмар, и где-то в глубине его Она заметила Семеныча. Но черная огромная тень гигантской птицы напугала Ее, и Она, вздрогнув, проснулась, успев услышать неясный быстрый шепот. Среди чьей-то неразборчивой речи, Она смогла различить и запомнить лишь эти слова.

* * *

После нехорошего сна начинаешь прокручивать то, что можешь вспомнить, а потом медленно осознаешь, что это был всего лишь сон. Плавно закрадывается мысль: «К чему бы это?». И вновь становится тревожно.

Удивительная вещь – настроение. Меняется от какой-то мелочи, до которой не сразу и докопаешься. А может, это не такая уж и мелочь, если она способна менять настроение. Но если понять то, от чего оно изменилось, то это чаще всего это оказывается именно мелочью, просто видится в ней очень многое, как сквозь увеличительное стекло...

– А ты чего так рано? – раскрасневшаяся Маша зашла в кабинет.

– А ты? – протирая глаза, спросила Она.

– Мужу моему надо было пораньше, вот он меня и закинул сюда ни свет, ни заря. Не выспалась жутко. По кофейку?

* * *

Рабочий день встретил их приветливо. Они встретили его враждебно. Все произошедшее казалось сном. Они очень старались не думать друг о друге. И у них получалось. Ровно на долю секунды из каждой минуты.

Семеныч позвонил Ей в обед. От волнения Она толком не слышала, что он говорит. И в свою очередь что-то бессвязно бормотала сама.

Вечером, не договариваясь, они вновь оказались на знакомой улице.

Она шла медленно, присматриваясь к прохожим. Ее настигли торопливые шаги Семеныча. Она обернулась и попала в его руки, тут же обнявшие Ее. Семеныч посмотрел на Нее. Она уткнулась в него, смущенно зарывшись лицом в пальто.

Стало тихо и светло. Свет проник везде и шел от них непрерывающимся потоком в стороны и вверх, как будто распахивал небо, как окна.

Она была такая хрупкая и незащитная, маленькая и такая милая, что сердце Семеныча, как и ночью, вновь наполнялось, ранее не встречавшейся ему нежностью. Глодавшая Семеныча постоянная тревога стала отступать. Странное чувство сопровождало его в последнее время: будто в груди образовалась «дыра», куда неторопливо, но неизбежно, вытекала вся его жизненная энергия. Но когда Она попала в руки Семеныча, когда он обнял Ее, прижал к себе и начал дышать Ее дыханием – «дыра» в груди Семеныча начинала уменьшаться в размерах. Казалось, еще чуть-чуть, и отверстие закроется естественным образом.

Визг тормозов неподалеку от них вернул мир обратно. Они все также стояли. Трудно было сказать, ощущали ли они что-нибудь, кроме присутствия друг друга. Вновь взгляд. Упрямый с одной стороны, нежный – с другой. Но взгляд один. Из одной пары светлых глаз в другую.

Семеныч поцеловал Ее в губы. Она стеснительно ответила и прижала на миг его ладони к своему лицу, зарывшись в них. Семеныч невольно улыбнулся: так всегда делала Катенок – утыкалась мордочкой в его ладонь.

– Твои руки пахнут счастьем, – сказала Она, оторвавшись. Посмотрела на него и у Нее вырвалось: – Ты такой красивый у меня!

– Ну, – смутился Семеныч, убрав руки. И сказал, как тогда Катенку: – Мужчинам так не говорят!

Она весело рассмеялась. Они пошли каждый своей дорогой. Его ждала жена. Ее ждала семья.

Она приостановилась и посмотрела ему вслед, прижимая руки к губам. Семеныч открыл дверь машины и оглянулся на Нее. Стоял, не двигаясь, и смотрел до тех пор, пока Она, нарочито всплеснув руками, не развернулась и не направилась в сторону своего дома. Только тогда, когда Она исчезла в толпе, Семеныч сел в машину.

От ночного кошмара, который заставил их весь день провести в смутном предчувствии чего-то нехорошего – не осталось и следа.

* * *

Семеныч поставил автомобиль на стоянку и направился к дому, размышляя: «Что происходит? Как будто первая любовь или первая женщина. Все, вроде бы, и как обычно, но почему – то во много раз сильнее, и от этого совсем даже не как обычно. Ладно, я, но как она так легко может уходить от своей семьи на целую ночь? Для чего ей это надо, и зачем я ей нужен? Не понимаю. Я много чего не понимаю. А если взглянуть шире – вообще ничего уже не понимаю. А главное – я не понимаю самого главного: как жить дальше».

Семеныч был уверен, что ничего просто так не бывает. Но во всем, что касалось Ее, все происходило иррационально, без логики, спонтанно, само по себе. Естественно, словно иначе происходить и не могло.

«Кажется, что само по себе. Но, безусловно, что «само по себе» чем – то должно быть обусловлено», – продолжал он и не мог понять, чем именно. И злился от этой своей неопределенности.

* * *

Она плелась к дому по улицам, разглядывая оживший вечерней суетой разноцветный и яркий город. Незаметно для себя оказалась в небольшом магазине около дома. Встала в очередь за свежей выпечкой, и взгляд Ее невольно скользнул в соседний отдел. Недолго думая, точнее, совсем не раздумывая, Она переместилась туда.

На улице было по-весеннему тепло. Вечер окончательно завоевал городское пространство.

Она огляделась и отошла в сторонку. Внутри Нее, там, где располагалось сердце, что-то сильно жгло. Достаточно неприятно, чтобы захотелось это пламя потушить. Она сделала глоток, стараясь не поперхнуться. Подождала, пока горячая жидкость проникнет внутрь, и чуть повеселела. Она стояла и смотрела на темное небо, на бегущие строки вывесок, на мигающие витрины магазинов, на спешащих людей, на проносившиеся по дороге машины. Сделала еще глоток и опять замерла. Ей показалось странным, что все двигалось, а Она – нет, будто Она смотрела кинофильм, только не с начала, а с середины: плавное движение кадров, где не понимаешь смысла, потому что неясно, с чего же все началось...

Снова стало тоскливо.

«Потому что он ушел?» – предположила Она и отхлебнула из горлышка. Уже не обжигало. Вечерний город стал казаться не таким чужим, но все еще отдельным от Нее. С трудом нащупала в сумочке телефон. Хотела позвонить подруге, но увидев от мужа несколько десятков непринятых звонков, со вздохом передумала. Нечто незнакомое поселилось в Ее сердце, и оно перечеркивало все. Семью, мужа, работу и даже этот город. Все окружающее Ее ранее отошло далеко и продолжало удаляться прочь.

Со следующим глотком, уличный высокий фонарь Ей приветливо поклонился.

«Пора домой, – улыбнулась Она. – А то нехорошо выйдет, если я напьюсь тут с фонарем и приду домой с ним же».

Она рассмеялась и повернула во двор, к своему дому.

Осторожно прошла в квартиру, тихо скинула сапоги и прислушалась. Муж в детской укладывал детей – оттуда доносился его ровный голос, читающий сказку. Она никогда не любила сказки.

Достав недопитую бутылочку из сумки, прошмыгнула на кухню. Из холодильника достала сыр и яблоко. Порезала их на тарелку. Оставшееся содержимое бутылочки Она вылила в кружку, а саму бутылочку убрала обратно в сумку, спрятав на самое дно. На цыпочках прокралась в ванную.

Включила воду и скинула с себя одежду. Залезла с ногами на стиральную машинку, прильнула к стене, зажав кружку коленками...

«Что-то не так! – стучало у Нее в висках. – Что-то теперь не так, а я не понимаю, что!!!»

Ванна наполнилась, тарелка и кружка опустели. Она легла, блаженно растянувшись в горячей воде. Равнодушно глядела на льющуюся воду, подставляя под нее ноги.

Когда Она вышла из ванной, на кухне горел свет.

– Привет, – Она поставила тарелку и кружку в раковину.

– Привет, устала?

– Спят?

– Да, уснули.

– Я пойду, устала.

Она прошла в спальню и нырнула под одеяло. Самый сладкий момент, когда голова касается подушки, ноги вытягиваются, а одеяло обнимает тело. «Как же хорошо!» – Она тотчас уснула.

* * *

...Неожиданно или ожидаемо для обоих, они стали встречаться.

У Семеныча вновь утро вошло в привычку, состоящую из дороги и любимого провожатого. Только теперь не Катенок бежала до угла, а он ехал на машине до знакомого перекрестка, чтобы дожидаться Ее и отвезти на работу, перебрасываясь бессмысленными фразами, чтобы вдохнуть Ее дыхания в долгожданном поцелуе.

Для Нее утро начиналось с его силуэта, который Она замечала издалека. С его улыбки и поцелуя.

Смысла, нормального человеческого смысла в этих двадцати минутах, конечно же, не было. Но такое начало дня вполне устраивало обоих и даже казалось естественным и необходимым, как восход солнца...

* * *

– Сегодня пятница, – Семеныч оторвался от Ее губ.

– И что? – Она недоуменно посмотрела на него.

– Завтра выходной!

– Боюсь повториться, – Она аккуратно сняла упавшую ресничку с его скулы и, помедлив секунду, загадала желание, а потом сдула ресничку со своего пальца. – И что?

– Я люблю выходные.

– Почему?! – изумлению Ее не было предела.

– Пять дней в неделю я трачу на кого-то свое время. Для чего? Чтобы я мог жить? Питаться, обеспечивать семью, совершать необходимые платежи и все?

– А в выходной что-то меняется? – Она серьезно и внимательно посмотрела на Семеныча. Потом приблизила к себе его лицо и, поцеловав бровь, чуть прикусила неровно выросший волосок. Выплюнула.

– Конечно! Я не понимаю, зачем живу, и уж тем более не соображаю, почему я должен обеспечивать возможность неизвестно для чего и кому нужного существования. Меня это раздражает! Постоянно раздражает.

– У-уу, – Она поправила воротник его рубашки. – Тут помада моя отпечаталась нечаянно. Ты прикрой пиджаком. Вот так.

– Да наплевать, – отдернулся Семеныч и посмотрел на рубашку. – Ты думаешь, я лентяй?

– Не думаю.

– Я не лентяй, – продолжил Семеныч, пробуя отчистить пятно с рубашки. – Но я ленив.

– Как откровенно. Но я считаю лень нормальной защитной реакцией человека. Надо понять, почему человек не хочет именно этого делать, или почему он не хочет делать это именно сейчас. Отсюда и думать. Так чем привлекают тебя выходные?

– Можно не работать.

– Это все? – Она протянула ему влажную салфетку.

– Этого достаточно. Можно заниматься чем-то другим. Не таким обязательным. Или ничем не заниматься. Просто «валять дурака». Разве ты не любишь выходные?

– Нет. Я в выходные себе не принадлежу. Надо нагонять уроки с дочкой, заниматься с сыном, убирать квартиру, приводить вещи в порядок на неделю вперед, ходить по магазинам, готовить впрок, разговаривать с мужем, и, вообще, что-то всем надо от меня в выходные. На работе я сама по себе. Вернее, я ничем никому не обязана. Не знаю, как объяснить. На работе я отвечаю только за себя, а дома я должна отвечать за детей, как мать, за мужа, как жена, за

порядок, как хозяйка и так далее. У меня в выходные вечный психологический конфликт ввиду непомерной для меня многозадачности. Как-то так... И...

– И?

– Утро в выходной день начинается не с тебя!

Семеныч улыбнулся от такой обескураживающей откровенности, глядя в Ее распахнутые глаза. «Она иногда очень похожа на Катенка. Так странно. Мимолетна похожа. Не движением или чем-то внешним, а...»

– Семеныч? А что тебе нравится делать в выходные?

«Музыку писать, в компьютерные игры играть, кино смотреть», – хотел было ответить Семеныч, но внезапно понял нечто другое, и честно ответил:

– Не знаю. Мне вообще ничего особо не нравится.

«Мне тоже», – мысленно вздохнула Она.

* * *

Переделав все домашние дела в субботу, Она уложила вечером детей, и, не найдя себе места, позвонила друзьям. Собралась за несколько минут и подошла к мужу, который смотрел телевизор в спальне:

– Я пойду?

Тот выразительно посмотрел на короткое облегающее платье и промолчал.

– Давай без обид. Я пойду или нет? Мне дома скучно!

– Далеко? – стиснул он зубы, понимая, что Она совершенно не спрашивает, а скажи Ей: «нет», уйдет, если не с уговорами, то со скандалом. Мужчина помнил Ее другую, и Ее поведение в последнее время списывал на дурное влияние подруг и работы, против которой он был изначально.

– К Ленке.

– Надолго?

– На часик-полтора.

Дождавшись такси, Она выключила телефон и уже через полчаса сидела с друзьями в уютном кафе. Но настроение Ее было совсем не таким, как раньше. Что-то тяготило и ныло глубоко внутри. Она понимала, что просто скучает по Семенычу, и его очень сильно почему-то не хватает. От этого Она сердилась еще больше. Цедила бокал красного вина, смеялась и шутила, даже танцевала, когда началась ночная дискотека, но вместе с этим злилась на себя и на отсутствие Семеныча. Перспектива – постоянно ждать утренних встреч – Ее совсем не радовала. Однако, выхода из ситуации, Она пока не видела.

«Почему люди создают семьи, как тюрьмы? – задумчиво посмотрела Она на своих друзей. – Как только кто-то женится или выходит замуж, автоматом выпадает из компании. Разве я виновата, что с друзьями мужа мне неинтересно? Что преступного в том, что один-два вечера я проведу вне дома? Так нет, приду домой, и он будет смотреть на меня как на исчадие ада. Скорей бы понедельник!»

– Я пойду, – поднялась Она. – Надоело.

Дома перетащила ноутбук на кухню. Семеныч не спал. От него по электронной почте было несколько писем. В одном была сказка, в другом – его размышления, в третьем – шутка, а в последнем, которое пришло в тот момент, когда она, налив чашку крепкого чая, читала первое письмо, оказалась песня. Его песня, написанная Ей.

Они переписывались до самого утра, теперь уже подробно «знакомясь» друг с другом. Интересовались. Узнавали прошлое.

* * *

Понедельник не заставил себя долго ждать. После бессонной ночи и воскресной головной боли, новая рабочая неделя наступила, не слишком задерживаясь.

Она проснулась рано и выскочила из дома, застегивая куртку уже на улице.

Разгоряченная быстрым шагом, Она торопилась к перекрестку. Ей казалось, что прошла целая вечность выходных дней, целая бесконечность минут без его улыбки.

Семеныч медленно ходил по тротуару. Ей захотелось неслышно подойти, пока он был спиной и не видел Ее.

Впереди Нее шел мужчина. Он внезапно остановился около Семеныча, и они поздоровались. Семеныч закурил, и они стали неспешно удаляться, о чем-то разговаривая.

Она замедлила шаги, но продолжала двигаться за ними. Семеныч обернулся в тот момент, когда Она почти подошла к нему.

Она робко улыбнулась и осеклась.

Семеныч сделал вид, что не знает Ее. Очевидно, собеседник Семеныча являлся знакомым семьи.

Ее бросило в жар. Тут же Она осознала всю низость ситуации, всю ничтожность встреч с женатым мужчиной.

Она повернула в сторону и перешла через дорогу.

Минут через семь Ее догнала машина. Семеныч поспешно вылез из автомобиля и стал догонять Ее. Он звал Ее.

Она не оборачивалась, продолжая идти дальше. Обогнав Ее и преградив Ей путь, Семеныч встал перед Ней. Извиняясь взглядом, попытался поцеловать.

«Он не виноват. Это такая жизнь: он женат, я замужем, район небольшой. Но почему же так гадко? Ведь раньше я воспринимала подобное поведение, как само собой разумеющееся?» – Она оттолкнула его. То ли обида, как над ребенком, взяла верх, то ли Ее натура, бесстрашная и безответственная, как уточнил бы Семеныч, не смогла вынести этого ледяного незнакомого взгляда десять минут назад.

– Отойди от меня, – чуть не плача, выкрикнула Она.

– Ну что ты? Из-за ерунды...

– Я не могу играть в прятки, я уже выросла!

– Что ты хотела, чтобы я сделал? Надо было подбежать и расцеловать тебя при нем? Он близкий знакомый нашей семьи...

– Вот и не буду тревожить вашу семью. Мог хотя бы просто поздороваться со мной, а с ним распрощаться? Ну, можно это было сделать как-нибудь по-другому, а не так? Я могла быть твоей коллегой, наконец! Что, если бы шла девушка с твоей работы, а этот знакомый ее не знал?

– Перестань, пожалуйста. Я несвободный человек. Не сердись.

– Твоя свобода начинается с порога гостиницы? – спросила Она с издевкой. – Да иди ты!

– Знаешь что?! – завелся Семеныч. – Мне скандалы не нужны. Не порти всё.

– А то что? – с вызовом посмотрела на него.

– А то – все.

– Все? – уточнила Она.

– Да! – пропуская Ее, Семеныч отступил.

И бешеная злость заклокотала в нем.

* * *

«И, правда! Какая же я свинья! Разве трудно было просто поздороваться, как, допустим, с коллегой? Ну что же я делаю?» – укорял себя он.

Хотя подсознательно Семеныч прекрасно понимал, что по существу это ничего не изменило бы. Ему было неприятно, что он или его поведение отчасти явились причиной Ее обиды. Семенычу совершенно было не важно, справедлива ли Ее обида – ему просто не хотелось, чтобы Она испытывала отрицательные эмоции. Случай был частный, но ситуация вполне прогнозируема. И эта осознанность неизбежности вызывала в душе Семеныча плохо контролируемую ярость. Он чувствовал, что его кто-то силком втискивает в рамки. Общество со своими правилами, Она – своей прихотью. Любое принуждение к своему поведению, Семеныч воспринимал крайне негативно, физически чувствуя, что на нем кто-то замыкает тяжеленные кандалы, а снять он их не вправе.

«Сама не лучше! Мы сразу все обговорили! И она замужем. К дому подъезжать не разрешает! И, вдруг, пожалуйста, оскорбилась какой-то ерундой, словно повод искала!» – разозлился Семеныч и в раздражении встал из-за стола...

* * *

За окном началось что-то невероятное: кирпичные многоэтажные дома расплылись и исчезли, небо посерело и опустилось, а ранняя весна превратилась в позднюю осень, и город стал безлюдной местностью.

Ковер из желто-красных и коричневых, почти сгнивших листьев устилал землю. Чуть дальше – редкие деревья. Голые, мрачные. Семенычу на миг показалось, что этот лес или заброшенный парк он уже где-то видел.

Внезапно Семеныч заметил Ее вдалеке. А за Ней по земле несло серое туманное облако, которое на скорости приобретало очертания дикого животного, точно пространство вылепливало его из бесформенной массы.

Преследование длилось мгновение.

Волк, оцетинившись, бросился на Нее. Крупное животное цеплялось за Ее руки. Отчетливо была видна Семенычу его оскаленная пасть с острыми клыками.

Волк прыгал на Нее, пытаясь повалить на землю.

Семеныч спонтанно дернул окно за ручку и распахнул его. Насыщенный холодный воздух ворвался в кабинет. Воздух был таким густым, плотным и сырым, будто его можно было отщипнуть руками.

Она усердно пробовала отбиться. Не кричала и не старалась убежать. Закрывала руками лицо и уворачивалась от нападений волка, который с остервенением продолжал кидаться на Нее. Он цеплялся клыками в Ее запястья, стремясь оторвать Ее руки от лица. Животное с исступлением прыгало на Нее, и Она неумело пыталась держать равновесие, переступая ногами, чтобы не упасть от толчков сильных передних лап. Отдергивала руки от оскаленной пасти и опять загораживала лицо, поворачиваясь к хищнику спиной, но волк снова яростно бросался на Нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.